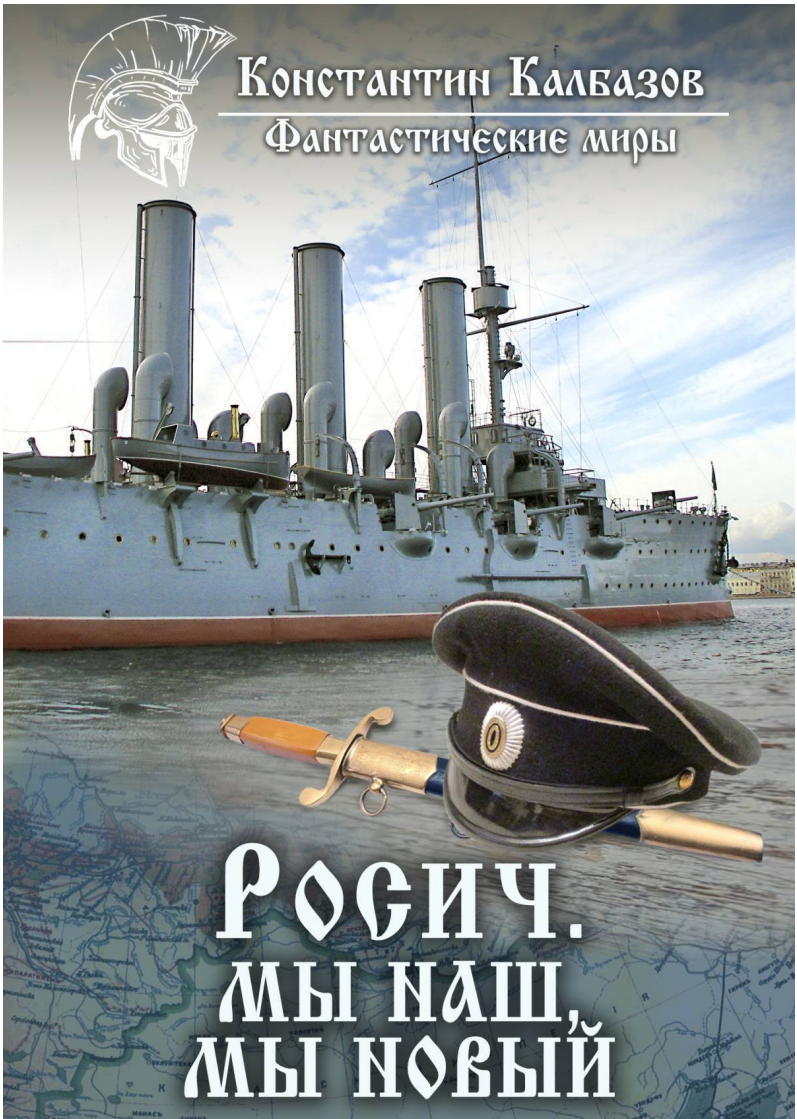
Константин Калбазов
Фантастические миры
Росич.
Мы наш,
мы новый

Константин Георгиевич Калбазов

Росич. Мы наш, мы новый…

Серия «Росич», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3529685
Росич. Мы наш, мы новый…: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1180-1

Аннотация

Колоссальное напряжение, огромные средства, все для фронта, все для победы. Трое наших современников, провалившиеся во времени, готовы пойти на многое, дабы победить и дать шанс своей Родине пойти иным путем. Их усилия не проходят даром, колесо истории таки вильнуло. Но сошло ли оно со старой колеи или это только временное явление и все вернется на круги своя? Достаточно ли того, что уже сделано, или это только начало? И есть ли иной путь или все напрасно и ход истории уже предопределен? Вопросы, вопросы…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 58
Конец ознакомительного фрагмента. 116

Константин Калбазов
Мы наш, мы новый…

Глава 1
Прибытие в Артур

Солнечный луч отыскал прореху в глухой обороне тяжелых непроницаемых штор и замер на стене, ярко осветив изображенную на обоях тройку, несущуюся во весь опор, как и положено, с бубенцами и покрикивающим, лихо заломившим картуз с пышным цветком возницей и сидящими в коляске хмельными от счастья молодыми. Свадьба. Вроде бы и обои, и рисунок не раз повторяется, но выполнено все с большим мастерством и любовью, а потому взгляд невольно задерживается. Впрочем, могло ли быть иначе, на косметический ремонт родительского дома Светлана не скупилась, к чему, собственно, если муж сказал о расходах даже не задумываться и тратить столько, сколько вздумается. Вот она и расстаралась, закупив все только самое дорогое, а дорогое – оно потому и дорогое, что и качество, и мастерство. Но как ни красива была картинка, непоседливому лучу никак не усидеть на одном месте, вот он пополз дальше по стене, выхватив березовую рощу, а вот он уже на кровати, высвечива-

ет цветочки на подушке, а вот ему стало скучно иметь дела с неодушевленными предметами, и он решил поозорничать, скользнув на лицо спящего.

Светлана, задохнувшись от охватившей ее нежности, смотрела за тем, как Антон героически борется с солнечным проказником, но даже и не подумала встать и задернуть шторы поплотнее – уж больно забавен в этот момент был муж. Наконец, не выдержав пытки светом, Антон открыл глаза.

– Здравствуй, милый.

– Доброе утро. – Улыбка словно сама собой включилась на его лице, без какого-либо участия с его стороны. – Который час?

– Девять.

– Ничего себе. – Антон как ошпаренный выскочил из постели. Что-то он расслабился в последнее время. Нет, понятно, что вчера денек был не из легких, да и ночь, хотя на ночь грех жаловаться, но тем не менее это не повод отлеживать бока, когда дел невпроворот.

– Ты куда? – не удержавшись, прыснула в кулачок Светлана.

– Слишком много дел на сегодня, так что извини.

– Ты меня не любишь. – Звучало это не как вопрос, а как утверждение. Была склонность у молодой жены к смене настроений – как ветер в мае.

– Что за глупости?

– Никакие это не глупости. Чуть свет ты убегаешь из до-

ма и не появляешься до самого вечера, а когда приходишь, то вечно хмурый и думаешь о чем-то о своем… – Ну как ребенок, ей-богу. Только что светилась счастьем, а вот губки надула.

– Прости, милая, но время сейчас очень тяжелое. Идет война. Сережа с Семеном застряли в Порт-Артуре, и все свалилось на меня.

– Так вызови их. Что им делать там, где они подвергаются опасности, там ведь идет война? – А вот теперь в тоне мелькнуло что-то такое, чего раньше не было. Это что же, девочка делает пробные шаги в области влияния на мужа? Интересно, но всему свое время и место.

– Света, давай договоримся раз и навсегда: ты никогда не будешь влезать в мои дела, какими бы они ни были. Никогда. Ты – моя жена, и тебя касается только то, что относится к семье. Все. Остальное – не твоего ума дело. И не надо дуться. Вот такой я самодур. – Ага, самодур, ничуть не бывало, и здесь это норма, не то что в его прошлом или будущем, ну понятно, в общем.

Все случилось шесть лет назад, когда трое друзей случайно встретились в уютном ресторанчике Владивостока. Продолжение банкета имело место в квартире Звонарева. Выпито было немало, рассказано тоже, в процессе разговора выяснилось, что Сергей Звонарев, друг и однокашник Песчанина, решил серьезно заняться паранормальными явлениями, и даже якобы в черте города ему удалось обнаружить са-

мую настоящую аномальную зону. Вот и отправились друзья все втроем на обследование этой самой зоны. Что и как там произошло доподлинно, им так известно и не стало, а предположения Звонарева остались на уровне ничем не подтвержденных домыслов, но факт остается фактом. Загуляв в 1998-м и направившись вечером на указанный Звонаревым пустырь, поутру они проснулись в 1898-м.

Хорошо еще, они оказались не лицами тонкой душевной организации, а достаточно толстокожими и с довольно гибким мышлением, чтобы не сойти с ума. Оказавшись на новом месте, да что там, в новом мире, иначе и не скажешь, потому как все было иное – и эпоха (а что, вполне себе и эпоха, а не просто время), и нравы, и даже язык, – друзья начали вливаться в существующее общество. Чтобы обеспечить себе безбедное существование, они начали изобретать то, что вполне могло бы появиться, так как имеются для этого и уровень развития, и технологии, вопрос остается только в том, чтобы подать идею.

Когда с бытом более или менее наладилось, они решили начать добычу золота в будущей Магаданской области, на неприметной речушке Авеково. Тогда же Антон поведал друзьям о своем намерении вмешаться в ход истории и обеспечить России преимущество в русско-японской войне, а заодно сделать все для того, чтобы ее выиграть. Гаврилов, друг и сослуживец Песчанина, сразу и безоговорочно поддержал его, Звонарев выступил против, но вынужден был

примкнуть, так как не мог их оставить. Так уж сложилось, что, не имея кровных уз, они вдруг почувствовали, что у них в этом мире не было никого роднее друг друга. И вот теперь Семен и Сергей были в Порт-Артуре, а Антон не знал, что делать, так как если с первым было все понятно и в принципе все шло по плану, то второй отчего-то вдруг изменил свое решение и тоже влез в эту авантюру по самые уши.

С завтраком еще не было покончено, когда к ним пришли гости. Ну как гости… Гостями эти две женщины никак не могли быть, так как могли появиться здесь в любое время дня и ночи, – они для Антона были даже не подругами, а скорее сестрами, родными и любимыми. Вот только отношение у них к нему несколько изменилось после его возвращения. Новость о том, что их мужья были призваны на военную службу, была воспринята негативно. Если Лена, тяжко вздохнув, смирилась с этим, то Аня вообще не желала ничего понимать и откровенно разозлилась на Сергея, весь мир и Антона заодно. Что он мог с этим поделать? Понятно, что женщина, привычная к тому, что ее Сережа всегда дома и весь такой спокойный и домашний, сильно удивилась и не на шутку разволновалась, когда тот решил поиграть в солдатиков. Несмотря на появившуюся натянутость в отношениях, Антон все же был рад ее видеть.

– Антон, посмотри, что пишут в газетах. – Аня тут же выложила на стол газету. Судя по всему, предлагать им разделить завтрак было бы неразумным, поэтому он взял в руки

листок с печатным текстом. Ага, сообщается о том, что связь с Порт-Артуром прервана, – что же, ожидаемая новость.

– Анечка, не волнуйся, – успев прочитать название статьи, напечатанное большими буквами, поспешила успокоить подругу – да-да, теперь подругу – Светлана. – Про папу тогда тоже бог весть что написали, но все это оказалось неправдой. Ведь все это неправда? – вопросительный взгляд на Антона.

– Боюсь, что на этот раз правда. – А чем это еще могло быть – он уже давно ожидал подобного сообщения, и произошло это несколько раньше, чем указывается в газете: цензура все же, – а вот когда скрывать это стало невозможно, тогда и дали добро.

– Ты можешь вывезти их оттуда? – Гаврилова вроде бы и смирилась с непоседой мужем, но, как видно, и она пришла сюда, испытывая нешуточную надежду. Черт! Ладно Гризли, Лена покрепче будет, опять же восстание «боксеров» как-то пережила, а как быть со Звонаревой? Она-то полагает своего Сереженьку чуть не плюшевым мишкой.

– Боюсь, что это не в моих силах. Они оба поступили на службу и до конца войны не смогут ее оставить.

– Но ведь они промышленники, предприниматели, не последние люди на Дальнем Востоке.

– И что с того?

– Но ведь может же быть для них хоть какое-то исключение.

– О каких исключениях ты говоришь, Анечка? Они при-

званы на службу, и в первую очередь добровольно пошли на этот шаг. Да даже если бы такое и было возможно, боюсь, что они не пойдут на это.

– И что, теперь до конца войны?

– Покинуть строй они могут только в трех случаях: получить ранение, ограничивающее их годность к строю, подписать документ, в котором обязуются не участвовать в дальнейших боевых действиях, но это в случае пленения или…

– Или погибнуть, – помертвевшим голосом закончила Аня.

– Да не расстраивайтесь вы так. Сережа поступил на флот и привлечен по линии снабжения, Макаров неглуп, чтобы не распознать выгоды иметь его на данной должности, к тому же там расположен наш завод, а он завязан именно на военные поставки, так что на передовую его не пустят.

– А Семен?

– А что Семен? Он имеет большой опыт в охране железнодорожных путей, так что занимается тем, чем и занимался в свое время, вот только сейчас там на порядок все проще: последних хунхузов разогнали еще два года назад.

– Тебя послушать – так там полное благолепие, – недоверчиво взглянула на него Аня.

– Отчего же. Есть возможность попасть под бомбардировку Того, но он этими безобразиями уже не занимается – Макаров отучил. Нельзя утверждать, что навсегда, но все же. Так, дамы, был несказанно рад вас видеть, но мне уже нужно

бежать. Сегодня заканчивается погрузка припасов на шхуну, нужно проследить.

– Ты хочешь сказать, что, пока наши мужья воюют в Порт-Артуре, ты больше всего озабочен тем, чтобы направить сезонных рабочих в Магадан и Авеково?

– С Порт-Артуром я поделать ничего не могу, а вот содержать наши дела в порядке нужно.

– Но ведь это ты втравил их во все это. Я знаю. – Аня обличительно указала на него пальчиком, только комично при этом не выглядела – она сейчас походила на разъяренную фурию, так что лучше было ее не задевать. А еще лучше – просто молча ретироваться, оставив поле боя за нею. – Не уходи от ответа, Антон! Ты все время куда-то спешил, вечно опаздывал, был на взводе и беспрестанно теребил наших мужей. Такое впечатление, что ты знал об этой войне и спешно к ней готовился, а как пришло время, трусливо поджал хвост. Ведь это ты должен был быть там, а Сережа – заниматься делами здесь. Он всегда говорил: что бы ни случилось, он всегда будет рядом.

– Анечка, я был не меньше твоего удивлен его решением, поверь. Да, мы догадывались об этой войне, – а кто не догадывался? Да, мы готовились к ней, но Сережа и впрямь должен был оставаться здесь и заниматься делами.

– А Семен? – И эта туда же, боже, двух разъяренных женщин ему уже не потянуть, да ему не потянуть и одной.

– Семен должен был заниматься предприятиями концер-

на в Порт-Артуре при любом раскладе, – решил выдать часть правды Антон.

– А ты?

– Леночка?

– Не уходи от ответа! – Гаврилова даже притопнула ножкой.

– А я должен был отправиться в кругосветное путешествие с посещением Баден-Бадена, Куршевеля и других приятственных мест, чем и собираюсь заняться. – Видит бог, он пытался сдерживаться, но что тут поделаешь. Ну, Сережа, вот дай только бог встретить тебя живым и здоровым – сам вгоню в гроб, все через тебя, импровизатор хренов.

Боясь, что все может зайти очень далеко, Антон поспешил покинуть дом. А потом, ему и правда нужно было заняться делами. Будь его воля, уже давно его ноги не было бы во Владивостоке, но было слишком рано: ледовая обстановка в Охотском море не позволяла действовать столь поспешно; с другой стороны – уже завтра можно и выдвигаться, вот только закончить последние приготовления, ну в крайнем случае послезавтра.

Антону стоило больших трудов выпросить разрешение на выход в море, но о переброске в Авеково и Магадан сезонных рабочих пришлось забыть, так как представители власти считали, что работы на прииске следует прекратить, дабы избежать захвата золота противником. Такое же настроение было и в отношении других предприятий, так как были все

шансы на то, что рыбная продукция пойдет на пополнение интендантской службы японской армии. Никакие доводы о том, что на концерне висят кредиты и их нужно выплачивать, на власти не произвели никакого эффекта. На Сучанских копях в настоящий момент вообще все встало в связи с невозможностью вывоза угля, углевозы намертво пришвартованы к пирсам, и ничто не способно сдвинуть их с места. Большинство рабочих призваны на военную службу. Если бы успели достроить железную дорогу, которую тянули от уссурийской ветки, то, возможно, рабочих и не тронули бы, ведь уголь – это стратегическое сырье, но дорогу не закончили и наполовину. Так что рабочих призвали, мало того – призвали и строителей с узкоколейки, а на их место прибыли каторжане.

Хорошо, хоть ему самому никто не стал чинить препятствий. Распоряжение для контр-адмирала Иессена от Макарова было однозначным: прапорщику Песчанину в выходе в море препятствий не чинить и оказать всяческое содействие. Командир владивостокского отряда крейсеров и не думал нарушать столь однозначного приказа, хотя вопросы у него и имелись. Что за выход? По какой такой надобности? Как может быть связан выход обычной шхуны с ведением боевых действий? И самое главное – отчего нигде не распространяться о том, что Песчанин является офицером флота? Одни вопросы, и никаких ответов. Ну да и бог с ним, придет время – все узнает, а сейчас у него и без того полно забот.

– Какой-то вы озабоченный сегодня, Антон Сергеевич?

– А ты разве не слышал, что Порт-Артур отрезан?

– Слышал, как не слышать, – равнодушно пожал плечами Варлам. – Да ведь это не неожиданность для вас.

А что тут скажешь? Конечно, не неожиданность, мало того – он узнал об этом в числе первых и уже успел навестить наместника, предложив услуги по обеспечению связи с Артуром. Их новые радиостанции вполне могли обеспечить устойчивую связь с Артуром из Инкоу, а оттуда информация должна была уже поступать к Алексееву в Мукден.

В это дело он решил вмешаться по двум причинам. Во-первых, ему было известно, что в той истории Стессель получил-таки распоряжение сдать дела в Артуре и выехать из крепости, вот только он скрыл телеграмму и, начав закулисную игру, сумел остаться у руля. Теперь дело должно было принять иной оборот – ведь сведения будут поступать в первую очередь к морякам, читай – к Макарову, стремящемуся сосредоточить командование в своих руках.

Во-вторых, был шанс, что при наличии практически прямой связи действия армии и осажденных будут хоть как-то скоординированы. Но труд оказался напрасным, так как то обстоятельство, что Звонарев не допустил захвата «Маньчжурии» с грузом радиостанций, вполне позволило решить вопрос с налаживанием связи и без вмешательства друзей. Ну да, баба с возу – кобыле легче.

– Посмотрел бы я на тебя, явись с утра к тебе жены тво-

их друзей с настоятельным требованием вытащить оттуда их мужей, – резко бросил Варламу Антон.

– А вот тут я пас, Антон Сергеевич. Я лучше еще парочку-другую шпиенов споймаю, оно попривычнее будет.

– Опять кого-то захомутали? – тут же сменил тон Песчанин.

– Майор Икуто. Упертый – жуть. Ну да и мы не лыком шиты.

– А этому что потребовалось в нашем концерне?

– Все то же. Как всегда, концерн – побочное задание. Так, разузнать, чего там эти умники скрывают.

– Плохо. Еще один офицер прогорает, едва сунув к нам нос, – эдак мы удосужимся самого пристального внимания. Значит, так, начинайте отрабатывать всю шпионскую сеть, какую только засветите. Нужно будет закопать этих разведчиков среди остальных.

– Не, нам этого не потянуть. Если начнем просто отстрел, то рано или поздно все укажет на концерн.

– Ну так привлеки полицию, у тебя ведь есть прикормленные.

– А оно им надо – светиться? Чего доброго, в жандармы уволокут, при таких-то способностях.

– Думаешь на жандармов выходить?

– Есть тут один – до славы уж очень охоч, попробую подбросить ему информацию. Вроде не дурак, должен понять, что это его шанс.

– Добро. Слушай, Андрей, как ты понимаешь, Звонарев и Гаврилов надолго засели в Порт-Артуре, как бы не до конца войны. Я не сегодня завтра тоже убываю.

– Тоже в Артур?

– Пока в Магадан, а там как масть ляжет, – не стал полностью откровенничать Антон. Не доверять своему начальнику службы безопасности у него не было никаких причин, вот только у него уже в кровь въелось всегда и от всех скрывать свои истинные намерения – так было спокойнее.

– Во как! Чуть мне – так сразу в пику, а как сами по фене – так завсегда пожалте.

– Ты не ерничай. У меня это присказка несерьезная, а ты как на феню скатываешься, сразу другим человеком становишься – бесшабашным и чересчур самоуверенным. Так что тебе это только во вред.

– Все, Антон Сергеевич, все. Считайте, что научили уму-разуму.

– Ох, шутник. Ладно. Как там обернется в Магадане, я не знаю, буду действовать по обстановке. Порт-Артур Порт-Артуром, а если у нас там бардак да без меня никак, то, как говорится, своя рубаха ближе к телу. Но в любом случае выходит, что ты тут старшим на хозяйстве остаешься.

– Чего я-то сразу? На заводе есть свое начальство, в НИИ тоже есть кому заниматься, в банке вообще акула сидит. Я тут при чем? Мое дело – сторона, только безопасность.

– А я тебе и не предлагаю влезать в научные разработки

или заниматься производством и денежными потоками, но вот догляд за всем этим нужен строжайший. Знаешь, как бывает: кот из дому – мыши в пляс. Тут из трех котов никого не остается.

– Я, стало быть, тоже из мышей?

– Давай откровенно, Андрей. Если кто захочет прибрать к рукам все наше хозяйство, то сейчас самый удобный момент. Учредители как с цепи сорвались – умчались воевать, жены вообще не в курсе дел концерна, так что если ты захочешь все прибрать к рукам, то у тебя для этого есть все шансы. Если останешься верен своему слову – нет шансов ни у кого.

– Ага-а, стало быть, от меня все зависит, – озорно улыбнулся бывший воровской авторитет.

– От тебя, – не поддержав озорства, серьезно подтвердил Песчанин.

– Опять? – Варлам иронично взглянул на Антона и ухмыльнулся. – Вот ей-ей, чудные вы. Я ведь говорил как-то, с недоверия начинать надо. Значит, так, Антон Сергеевич, вы эти мысли оставьте, пустое. Я себе цену сложил еще тогда, когда пошел к вам, а за то время, что работаю с вами, только утвердился в этом. Не получится у меня быть первым: все по миру пущу и себя потеряю, сдерживать меня нужно. Вот вторым – да, это я могу хорошо, и тех, за кем я пойду, я уже давно нашел. Так что забудьте. Если здесь что будет не так, то это может быть моя ошибка, а может, меня уже не будет, – только в спину вам я не ударю.

– Здравствуйте, Виктор Михайлович.

– Здравствуйте, Антон Сергеевич. – Крепкий мужчина встретил его с радостной улыбкой прямо на причале.

Было чему радоваться: он ведь полгода не видел своих, это было первое судно в этой навигации, а стало быть, с ним прибыла и почта. Вот уже несколько месяцев он ничего не знал о своих, оставшихся во Владивостоке, поэтому хотя улыбка и была радостной, но во всем его облике угадывалось и нешуточное волнение.

– Все нормально, – тут же поспешил успокоить старпома Антон. – Ваши все живы, здоровы, детки подрастают. Я привез целую пачку писем и фотографий.

– Благодарю. – Теперь его улыбка была целиком и полностью радостной, без каких-либо оговорок. Он принял весьма объемный пакет из рук начальника, но вскрывать его не стал. – Потом посмотрю, раз уж все в порядке, то час-другой погоды не сделает.

– Я вполне располагаю временем, Виктор Михайлович, и забот у меня хватает.

– Еще раз благодарю. Но давайте сначала все же я доложусь.

– Что же, слушаю ваш доклад.

– В принципе докладывать нечего. Все идет согласно полученным мною распоряжениям. Боевая подготовка вполне на уровне, а если сравнивать с тем, с чем мне приходилось

сталкиваться на флоте, так и повыше. О войне нам стало известно еще зимой – Пронин получил извещение. Здесь вполне уже сформировано ополчение. Ребятки, как только узнали о начавшейся войне, прямо-таки из кожи вон лезут на занятиях. Скажу откровенно, специалистами они стали весьма хорошими, правда, непонятно, как себя поведут в боевой обстановке, – все же боевого опыта у них нет никакого. Но все, что можно было сделать, сделано, не сомневайтесь.

– Спасибо, Виктор Михайлович. А что касается подготовки, то, думаю, некое подобие боевой обстановки парням все же не помешает. Есть одна задумка.

Бабах!!!

Сашка от неожиданности даже присел. Нет, до этого момента тоже было не тихо, чай, орудие вело огонь, рявкая и посылая по цели один за другим снаряды. Но это… это было как-то по-другому. Страшно. Так страшно, что он просто опешил, а когда его и его товарищей обдало чем-то липким и противным – ощущения вообще зашкалили. Ничего не понимая, он растерянно огляделся. Вот когда его проняло до самых тайников души. Повсюду кровь – на палубе, на орудии, на ребятах и на самом Сашке, а еще скользкая, источающая непередаваемый смрад требуха, много требухи. Это что же, кого-то разорвало, что ли? Ой, божечки! Ой, мамочка! Да как же так-то!

Как его начало выворачивать наизнанку, он и сам не за-

метил, – в этот момент не думал о том, как будет выглядеть перед товарищами, он вообще ни о чем не думал. Ему просто было плохо. Очень плохо. Во-о-от как плохо. Господи, да откуда столько-то! Да что же это, ить эдак все нутро вывернется, да нет же уже ничегошеньки, – ан нет, выворачивает и выворачивает, так что и моченьки стоять на ногах никакой. А рядом опять:

Бабах!

Быхш-ш-ш!

Теперь обдает забортной водой, так как взорвалось под самым бортом. Знатно так рвануло – всю прислугу носового орудия облило студеной водицей соленого Охотского моря, но от этого как-то даже и полегче стало: хоть немного сбило запах крови и внутренностей, а заодно и немного привело в чувство. Что это там унтер орет?

– К орудию! Мать вашу перемать! Заряжай! Дистанция пятнадцать кабельтовых! Вахрушев, кому сказано, к орудию!

Сашка, все еще стоящий на четырех конечностях, воюя со своим желудком, почувствовал, как ботинок унтера весьма увесисто приложился к его заду, заставив растянуться на палубе, обильно покрытой сгустками крови и блевотиной. Мало этой радости – так еще и лицом въехал в требуху. Его вновь обдало противным запахом внутренностей, и новый позыв рвоты рванулся к горлу, вот только исторгнуть из себя он уже ничего не мог, только свое нутро. Но долго пребывать в растерянности и жалости к самому себе ему не дали: новый

пинок и мат унтера все же привели в себя.

Орудие. Ну да, орудие. Он ведь наводчик – кто будет стрелять, если он станет валяться? Нет, парни, конечно, вполне могут его заменить, вот только не управятся лучше его, – потому он и наводчик, что лучше всех управляется. Надо вставать. И быстро, не то дядька Федор еще и не так всыплет.

Господи, а он-то думал, что на войне весело, море, приключения, потопленные вражеские корабли, он весь такой героический, куда там его тезке, что обретался на бастионах при осаде Севастополя, проявляя геройство там, где взрослые мужики пасовали. Нет, тому Сашке до него, Вахрушева, ой как далеко, потому как он о-го-го… Опять же тому пацану всего двенадцать было, а ему уже девятнадцатый… А вот что-то не получается. В книжках ничегошеньки не пишут о том, что когда снаряд рвется рядышком, то бывает и так вот… Ничегошеньки не пишется ни про запах сгоревшего пороха, что шибает в нос, так что голова кругом, ни про запах крови, который перешибает порох и заставляет выворачивать нутро.

– Вахрушев, итить твою!

– Я… – пытался промямлить непослушными губами Сашка. Хрясь, клац. Ой, а зубы-то на месте.

– К орудию! Якорь тебе в седалище!

Ой не к добру унтер разошелся! Нет, злить его дальше лучше не надо. Прибьет. Как есть прибьет. Сашка с трудом поднялся на ватных ногах и приник к прицелу. Мало, что

ноги не держат, так еще и палуба никак не хочет быть твердой опорой. Конечно, он уже привык передвигаться и вполне уверенно себя чувствовать на ней в любую качку, а бывало, и в штормы попадали, но что-то сегодня никак не получалось прийти в себя. Корабль приблизился рывком, словно подпрыгнул, почитай, вплотную.

– Дистанция шестнадцать кабельтовых!

Сашка послушно вращает маховик, придавая нужный угол возвышения. В голове сейчас вообще никаких мыслей. Вернее, мысль-то есть, вот только странная какая-то – попасть, только попасть, все мысли вокруг этого, так что отвлекаться ну никак не хочется. Потому как тогда перед глазами сразу предстают разбросанные по палубе внутренности. Шкала послушно ползет вниз, он сажает птичку прицела на середину борта. А кого это разорвало-то? Вахрушев хотел было оторваться от прицела и осмотреться, но тут же переборол это желание, а вернее, открестился от него, так как стало очень страшно. Потом, все потом, сейчас нужно всадить снаряд в борт этого чертова корабля. Орудие резко вздрогнуло, панорама подпрыгнула и тут же вернулась в прежнее положение, а потому Сашка прекрасно рассмотрел, как снаряд ударил точно в борт – не туда, куда целился парень, но все же. Сквозь вату, залепившую уши, он все же расслышал, как сочно клацнул затвор, принимая следующий снаряд. Сейчас некогда отвлекаться, прицел точен, нужно стрелять и стрелять настолько быстро, насколько возможно. Орудие успева-

ет рявкнуть еще пять раз, по старым установкам, добившись еще одного попадания, затем становится видно, что данные безнадежно устарели, так как снаряды летят уже с перелетом, но на дальномере не дремлют.

– Пятнадцать кабельтовых! – звучит зычный голос унтера. Ага, стало быть, опять сближаемся…

– Антон Сергеевич, не слишком ли? – Кузнецов осуждающе смотрит на Песчанина. – Мальцы ведь совсем, а мы их…

– Здесь нет мальцов, Виктор Михайлович. Нет и не может быть. Здесь русские моряки, а еще те, кому предстоит сойтись с противником лицом к лицу. Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь из них дал слабину в самый ответственный момент, а для этого нужна банальная тренировка. Если найдутся такие, что не смогут переступить через себя, то спишем без сожаления. Нет, послужить они еще послужат, будут передавать свои знания в Артуре, но на палубе им делать нечего.

Банг! Вновь рявкает орудие, посылая снаряд в уже полыхающую шхуну.

Бабах! Вторит ей на палубе неподалеку от носового орудия.

Только что бросивший взрывпакет унтер тут же вооружается ведром, которое принес с собой, и выплескивает его содержимое на орудийную обслугу. Антона самого передергивает от этого, но повторный кровавый душ с требухой парни переносят хотя и не с восторгом, но уже более хладнокровно.

Вслед за этим раздаются еще три взрыва один за одним – на корме и в районе надстроек. Господи, в какую же помойку превратился «Росич»! Ничего, отдраят.

Быхш-ш-ш. Взметается фонтан воды, обдавая моряков студеной морской водой. Ага, сработал еще один заряд в воде. Ох и пришлось же помучиться унтерам, устанавливая эти заряды, да еще стараясь сделать так, чтобы никто из ребят ничего не заметил.

Это была уже восьмая шхуна японских браконьеров, реквизированная рыскающей в этих водах своеобразной флотилией, в состав которой входят миноносец, матка «Чукотка» и два парохода – «Чайка» и «Баклан». Команды японцев сейчас находятся на пароходах, под охраной ополченцев.

Несмотря на то что в прошлом году команда «Росича» неслабо потренировалась в стрельбе по конфискованным рыбацким шхунам, Песчанин решил, что новая практика будет совсем не лишней. Опять же нашлись снаряды с болванками – эта шхуна была только второй, на которую расходовались вполне боевые фугасы. Расточительно? Возможно. Но необходимо. Все происходило просто. Миноносец догонял рыболовецкое судно, заставляя его остановиться, затем подходил один из пароходов, снимал экипаж, на шхуне устанавливались паруса, и она отправлялась в свободное плавание, выписывая самые несуразные маневры, а экипаж миноносца расстреливал ее.

Правда, судов было задержано двенадцать, но на четыре

из них у Антона не поднялась рука: больно уж в хорошем состоянии они были. В конце концов для тренировок судов вполне хватало, а эти, бог даст, еще послужат новым хозяевам.

Нет, ну надо же, до чего додумались! У-у, изверги! Сашка никак не мог поверить в то, что все его товарищи живы и здоровы. Понятно, что все с позеленевшими лицами и в полном расстройстве чувств, но целы и невредимы. Вот кто это придумал – выплескивать на них кровь и требуху забитых поросят? Да как им вообще их отдали хозяева хрюшек? Ведь из этого можно еще всяких вкусностей понаделать. Не иначе как Антон Сергеевич прикупил, он человек щедрый. Но тут помимо воли на губах появилась улыбка. Нет, ну как их, а? Вот ни в жисть больше на такое не поведусь.

В очередной раз улыбнувшись, Сашка опустил машку в море, затем выдернул изрядно потяжелевшую и ухнул ею о палубу, смывая уже изрядно пованивающую кровь. Все внутренности уже были выброшены в воду – теперь нужно было отдраивать корабль. Вот закончат – всех на «Чукотку» отправят, в баню и на постирушки. Когда его друг Васька вышел на палубу и увидел, в каком состоянии находится палубная команда, взглянул на разбросанные кишки, то поначалу побледнел, но, когда до него дошло, что именно здесь произошло, смеялся от души и долго не мог успокоиться. А потом появилась машинная команда. Похоже, парням тоже неслабо досталось, вот только там прибираться куда труднее,

чем на палубе.

– Чего это тут у вас было-то?

– Не видишь, тренировка.

– Ничего себе. Я как вышел, думал, что тут вас всех как на бойне разделали.

– Ага, тебе хорошо, ты эвон в акустиках, у вас там никто не стал гадить, а нас тут…

С Васькой они были дружны не меньше семи лет. Да, примерно тогда-то они и сошлись в столице, по одиннадцать годков им было, когда оба оказались в приюте. Жизнь там выдалась не из легких. Старшаки сразу же начали разъяснять новичкам, кто есть кто и где их место. Били их часто и крепко, потому как мальцы ни в какую не хотели ни под кем ходить, а заводилам это было явно не по душе. Но как бы трудно ни было, через пару лет они отвадили от себя старшаков, держась наособицу и стараясь никуда не влезать. Можно было и рвануть куда глаза глядят, да была у них страсть, у каждого своя, но привязала она парнишек к приюту крепче самых крепких пут. Васька прямо-таки прикипел к учителю музыки, который учил его играть на пианино. Федор Апполинарьевич нарадоваться не мог на своего ученика, говоря, что у него абсолютный музыкальный слух. Васька, даже впервые увидев это пианино, сумел наиграть то, что сыграл учитель, просто угадывая, на какие клавиши нужно жать.

С Сашкой история была схожей. У него проявилась страсть к рисованию. Вернее, она у него была всегда. Он ри-

совал всем, что могло оставить рисунок, и везде, где только возможно. В основном в дело шли угольки либо от обгоревших дощечек, либо, если уж совсем везло, настоящим углем. Правда, когда он сообразил, что уголь можно найти на железной дороге, стало куда легче. Однажды он умудрился нарисовать куском угля батюшку Антония, что вел у них богословие. На беду Сашки или на счастье, сам священник его за этим и застал, но по счастью человеком он был незлобивым, и, хотя заставил все стереть, привел мальчонку к одному своему знакомому, который оказался художником. Рисовал он много и разное, но нередко брался и за росписи церквей, и за рисование икон.

Игорь Иванович, мужчина в годах, со всклокоченной шевелюрой и такой же бородой, в просторной рубахе, изгвазданной красками, оказался человеком нелюдимым и сначала показался Сашке очень злым. Окинув мальца недовольным взглядом и столь же ласково взглянув на батюшку, он нехотя положил перед Вахрушевым листок бумаги и вручил карандаш, предложив нарисовать все, что душе угодно, пока они со святым отцом выпьют по чашечке чая. А через полчаса знакомый отца Антония уже мертвой хваткой вцепился в тринадцатилетнего мальчишку, никак не желая верить в то, что его никто и никогда не учил рисованию. Да, были ошибки, да, были огрехи, да, работу назвать достойной было нельзя, но на представленном наброске в сидящих за столиком и попивающих чай мужчинах легко угадывались свя-

щенник и художник.

А потом приют посетил один дядька, который из всех отчего-то выбрал именно их двоих, и друзья поехали в далекие дали. МОРЕМ! На настоящем корабле, да еще и под парусами! КРАСОТА!

Правда, места, где им довелось быть, оказались весьма суровыми: короткое холодное лето, затяжная и студеная зима. Но не сказать, что это сильно огорчило друзей. Здесь они не были сиротами, здесь они были юнгами, и помимо того, что их обучали различным специальностям, привлекали на различные работы, из них готовили настоящих моряков. При приюте была самая настоящая большая парусная шхуна, на которой они ходили в море под присмотром директора приюта, морского офицера в отставке, и унтеров, всех в прошлом моряков. Года два назад всех их разделили на отдельные группы и стали готовить из них специалистов. Ваську записали в класс акустиков, Сашку – в артиллерийский класс. Они продолжали общаться и видеться каждую свободную минуту, но обучались уже по отдельности.

– А зачем вас так-то? – не унимался Васька.

– Вот учат тебя, учат, а ты как был балбес, так и есть. А ну как в бою кого ранят, а его кровью остальных забрызгает, – и чего, все блевать кинутся, а стрелять кто будет? Вот и тренируют, чтобы привыкали, значит.

– И что, ты того, блевал?

– Вот еще.

– Дак а кто же тогда? – Васька с ухмылкой многозначительно кивнул на загвазданную палубу. Ага, постарались на славу. Артельно, можно сказать.

– А то некому, – подбоченившись самодовольно заявил Сашка. – Мне глупостями заниматься некогда, не то из орудия стрелять некому.

– Стало быть, не ты?

– Смеешься? Если бы я блевал, то кто бы то корыто на дно отправил?

– Тоже верно, – согласился друг, напрочь позабыв о том, что не только от наводчика зависит боеготовность орудия: ведь кто-то должен и снаряды поднести, и зарядить орудие, а кто будет все это делать если все только и делают, что полощут палубу? К слову заметить, кто же эдак сподобился, Васька так и не узнал, так как все без исключения с многозначительными ухмылками намекали на каких-то умельцев, не называя их имен и ни в коей мере не причисляя себя к их числу.

После плавания, продлившегося несколько дней, пароходы более чем с двумястами захваченными рыбаками, в сопровождении четырех шхун, взяли направление на Авеково. Антона вовсе не порадовало то, что ему так и не позволили завезти рабочих на прииск – это грозило большими убытками, – так что он решил действовать несколько иначе. Рыбакам на этот сезон придется переквалифицироваться

в рабочих. Нет-нет, никаких военнопленных и лагерей. Все культурно и цивилизованно. Договор о найме, причитающееся жалованье, жилье, прокорм, медицинское обслуживание – одним словом, все как и положено. Конечно, охрана будет, без этого никуда, но в целом, когда рыбаки вернутся домой, у них в карманах будут деньги, и как бы не больше, чем они смогли бы заработать на рыбном промысле, – ну тут уж как будут работать. Хотя народ трудолюбивый, чего уж там, так что без заработка не останутся.

Перед отплытием из Магадана была у него беседа и с Прониным, что сейчас числился здесь у руля. По имеющимся сведениям, гарнизон на Шумшу готовился к захвату Камчатки, а после, ближе к осени, планировался рейд и в Авеково с Магаданом, дабы захватить золото и пушнину. Относительно пушнины было доподлинно известно, что японцы намеревались вырезать все поголовье зверя, их интересовал только ценный мех. Так вот чтобы избежать этого, чиновник уже сбивал ополченцев в подразделения, к побережью Камчатки выдвинулись разведчики, которые должны были принести весть о десанте. Так что, едва получив оную, магаданцы отправятся морем на помощь камчатцам, а там, глядишь, и еще рабочей силой разживутся, и опять же на договорной основе, на прииск, благо с рыбкой и сами способны разобраться. Что бы там ни говорили представители власти, но останавливать предприятия Антон не собирался.

Переход до Корейского пролива прошел спокойно и без

каких-либо трудностей. По пути навстречу «Росичу» и «Чукотке» попались несколько судов: навигация-то в самом разгаре. Конечно, война, и былого оживления не наблюдается, но все же суда ходят, товары доставляются, торговля живет. Чем ближе Япония, тем интенсивнее движение, а ближе к проливу судов стало еще больше. Но в планы Антона вовсе не входили нежелательные встречи, а потому его небольшой отряд обходил всех встречных. Днем выручало то, что суда возвещали о своем нахождении дымами, и тогда два русских корабля уклонялись в сторону, обходя обнаруженных по большой дуге, благо сами дымного шлейфа не давали. Ночью помогали гидрофоны. Вот так они и остались не замеченными никем.

К проливу подошли с наступлением темноты, намереваясь за ночь проскользнуть через него и в достаточной мере отдалиться в Восточно-Китайское море. Только там, на открытых просторах, Антон собирался взять курс в Желтое море, а дальше на Артур. Задачка непростая, но выполнимая – с теми-то преимуществами, что имелись у него. «Чукотка» вполне могла поддерживать постоянную скорость в семнадцать узлов, а при необходимости в течение нескольких часов даже держать двадцать один узел. Много было пролито пота, свернуто мозгов и затрачено денег на переоборудование этого грузо-пассажирского судна, не говоря уже о его покупке, но результат радовал. Турбины придали ему резвости – теперь за ним мог угнаться далеко не каждый военный

корабль.

«Росич» подобно сторожевому псу крутился вокруг матки, время от времени ложась в дрейф, прощупывая гидрофонами окружающие воды. Песчанин скрежетал зубами оттого, что не может себе позволить немного поохотиться, – настолько активным было здесь движение. Они едва успевали отворачивать в сторону, чтобы не слишком приближаться. Ходовых огней не зажигали, шли в полной темноте: ну его к ляду, попадется еще какой крейсер да решит устроить досмотр. А так… Тишком-бочком, только бы не заметили.

Пролив миновали удачно, и, когда взошло солнце, были уже в открытом море, вне видимости берегов. Антон едва сумел перебороть себя, чтобы не вернуться к первоначальному плану. А планировал он, оставив матку в открытом море, заправить цистерны под завязку и рвануть на «Росиче» наводить порядок в Корейском проливе: худо-бедно, но несколько транспортов он вполне реально мог оприходовать, а то и какой боевой корабль. Понятно, что сейчас так не принято, сначала будьте любезны остановите судно, досмотрите, снимите экипаж – и только потом пускайте его на дно, причем не имеет значения, нейтрал это с контрабандой или военный транспорт противной стороны. Вот не трогай некомбатантов – и все тут. Если по тебе с палубы транспорта хоть из револьвера стрельнули – тогда да, тогда топи без зазрения совести, а до того – ни-ни. Идиотизм.

Когда проходили на траверзе Чемульпо, вновь ручки заче-

сались. Ну почему, собственно говоря, нельзя? Ведь противник. Сейчас в этом порту идет весьма активный каботаж, корабли ходят пачками, доставляя различные грузы – от продовольствия до огневого снаряжения, – а также живую силу: без пополнения никак. Ну хоть парочку транспортов, удачно сложится – можно на пару тысяч уменьшить армию микадо. Отчего-то о том, что там вполне живые люди, Песчанину не думалось. Просто голые цифры, и все, ни лиц, ни осознания того, что вот сейчас он с легкостью рассуждает о том, чтобы уменьшить на пару-тройку тысяч армию Японии, – а ведь это крестьяне, рабочие, интеллигенция, у всех у них семьи, дети, старики, которые ждут возвращения своих сыновей. Но нет, просто голые цифры. Может, оттого, что он старался не думать о них как о людях? Да нет. Все иначе. Он до сих пор не воспринимал все это настолько серьезно. Что было до этого момента? Остановили шхуну, сняли экипаж, расстреляли пустое судно. Все. Конечно, ему приходилось убивать, но это несколько другое: масштабы не те.

– Что так задумались? – обратился к пригорюнившемуся командиру Кузнецов.

– Это вы, Виктор Михайлович? – обернувшись, узнал Антон старпома, который в настоящий момент должен был отдыхать: вахту стоял сам Песчанин. – Да вот думаю. Рвануть бы сейчас в Чемульпо – там наверняка сейчас не протолкнуться от транспортов, – наделали бы шороху.

– А оно того стоит?

– О чем вы?

– Ну наделаем мы шороху, всполошим япошек раньше времени – и чего добьемся? Не-эт, Макаров прав, если есть вариант ввести сразу отряд, отряд и надо вводить, чтобы как гром среди ясного неба.

– Вы думаете, я этого не понимаю?

– Уверен, что понимаете. Вот только маетесь, так как долго готовились к этому, казалось бы, вот уже на месте и противника можете достать, и деться ему некуда, и корабль хочется пустить как гончую, потому как палуба жжет ноги, а опять нужно ждать.

– Один в один.

– Знаю. Самого трясет так, что моченьки никакой. Тем более что меня ведь в Артуре и списать могут.

– Это еще с чего?

– Так на пенсии.

– Вы думаете, там настолько все хорошо с офицерским составом, что вот так легко отмахнутся от офицера, пусть и пенсионера, который имеет опыт вождения данного корабля? Не смешите. Как бы вам не пришлось еще и вступить в командование каким из «Росичей» – я бы именно так и сделал.

– Вашими бы устами да мед пить.

– Так хочется в бой?

– Я пришел на флот, когда война с турками уже закончилась, всю жизнь только и делал, что готовился к войне, се-

рьезно так готовился, без дураков. Поначалу это была просто юношеская восторженность, потом повзрослел, но оттого, что ума поприбавилось, пыла ничуть не утратил и продолжал совершенствоваться, знакомиться со всем новейшим, до чего вообще мог дотянуться. По боевой подготовке неизменно в первых был. Я всю свою сознательную жизнь готовился постоять за Родину, а как пришел момент – оказался не у дел.

– А как так случилось, что, будучи на хорошем счету, вы не смогли сделать карьеру?

– Ну не всем ведь быть адмиралами… – Но, увидев, что Песчанина ответ не удовлетворил, махнул рукой и закончил: – Пустое, Антон Сергеевич.

– Ну, нет так нет. – Антон поднял трубку. – Машинное, стоп машина. – В дальнейших командах необходимости не было. Акустик на вахте, а стало быть, как только машина остановится, сразу же примется обшаривать окружающее пространство. Не сказать, что ночь была из самых темных, но все же безлунная, так что работа для гидрофонов имелась.

Машина замерла, и ставший уже привычным гул работающих механизмов прекратился. Едва это произошло, Василий тут же нахлобучил головные телефоны и, устроившись поудобнее, начал вращать маховики настройки гидрофона. Дело привычное, чего уж там. Конечно, в Охотском-то море не так часто приходилось практиковаться, но как только вышли в Японское, а уж тем паче приблизились к проливу, то работы было столько, что только и успевай поворачиваться.

С начала похода Василий уже успел окончательно перепутать день и ночь, так как его вахты были только по ночам: днем ему давали отоспаться. Мало того – его никогда не привлекали на приборку или на другие работы, если только прибраться у себя в посту. Антон Сергеевич, ну то есть их благородие, строго-настрого запретил трогать акустика. И то верно. Камни носить не приходится, но за ночь так наслушаешься, что к утру голова как чугунная, едва донесешь ее до подушки – и все, словно свет выключают. А ему нужна голова светлая, чтобы не услышать того, чего и нет, – и вовсе и наоборот, не пропустить того, что появилось.

Маховики вращаются, чисто. Стоп, а это что? Так, подправить еще чуток, еще малость, нет, назад. Есть. Странный звук. Вроде как похоже на тот, что слышал на пластинке, но другой, ну это-то понятно, а вот характер звука… Ну да, крейсер. Нет, точно крейсер.

Несмотря на то что с практическим опытом у Малкина было слабовато, работал он над овладением специальностью весьма вдумчиво. Если бы ленился, нипочем не записали бы в основной состав, – а так вот он, на «Росиче», а не на «Чукотке», и не гадает, возьмут в экипаж миноносца или нет. Так что очень много времени он посвящал прослушиванию пластинок с записями шумов самых различных кораблей, какие только сумели записать в НИИ. Мало того – он был уверен, что непременно сумеет опознать те суда, шумы которых неоднократно прослушивал, но они пока не попадались.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного: эвон сколько кораблей понастроено.

– Ваше благородие, акустик, пеленг семьдесят, шум винтов, цель одиночная, классифицирую крейсер, большая дальность.

– Принял. Сигнальщик, цель по пеленгу семьдесят. – Антон положил трубку и хищно улыбнулся: да пошло оно все. Ну нет больше мочи терпеть. А потом, пусть еще поймут, что это было. Все, решено. Песчанин вооружается гарнитурой радиостанции – радист сейчас отдыхает, он ведь не железный, опять же один, так что радиостанция настроена на телефонный режим, с коим любой вахтенный вполне справится. – «Матка», здесь «Ноль первый», прием… – Можно обойтись и без позывных – прослушивать все одно некому, – но лучше уже начинать привыкать.

– «Ноль первый», здесь «Матка», прием.

– Пеленг семьдесят, обнаружен корабль, предположительно крейсер, большая дальность. Отворачивайте на курс двести семьдесят. – Крюк изрядный выйдет, но лучше так: уже через пару часов начнет светать, так что пусть матка держится подальше.

– Пеленг семьдесят, предположительно крейсер, отвернуть на курс двести семьдесят. Прием.

– Все верно. Подтверждаю. Прием.

– Принял. Выполняю. Конец связи.

– Ваше благородие, по пеленгу семьдесят цель не обнару-

жена.

Ага, это сигнальщик. Выходит, идут с потушенными огнями. И что это значит? А то и значит, что это японец: к гадалке не ходить, блюдут светомаскировку. Ну-ну. А мы поглядим, кто это там такой умный.

– Машина, полный вперед. Курс семьдесят. – Вода под кормой забурлила, и потерявший было ход миноносец вновь начал увеличивать скорость. Рулевой послушно переложил штурвал, и «Росич», слегка завалившись, начал менять направление движения.

– Я правильно понимаю, Антон Сергеевич, вы собираетесь его атаковать?

– Правильно, Виктор Михайлович. – Антон включил колокола громкого боя, и по всем отсекам кораблика разнесся сигнал боевой тревоги. Отдыхающая смена с нескрываемым возбуждением посыпалась со шконок и бросилась по местам согласно боевому расписанию. Еще бы! Это там, в Охотском море, они все время бегали за рыбаками, а здесь тревога могла означать только одно: на горизонте враг. Вот сейчас они им зададут. Век помнить будут.

– А как же приказ Макарова?

– Приказ – это замечательно, да только поглядите, какая темная ночь. У нас оптика, специально приспособленная для наблюдений в ночных условиях, у японцев, да и ни у кого другого, этого нет и в помине, так что обнаружить нас у них вряд ли получится. Атакуем с пятнадцати или семнадцати

кабельтовых – и отвернем.

– А если это, к примеру, англичанин?

– Ну и что? Нечего в районе боевых действий с погашенными огнями шастать.

– Ну а если это какой-нибудь авизо? Не жалко мин – они ведь переделанные, дальнеходные?

– А война – она вообще штука затратная. А потом, цена даже новых четырех торпед и даже самого старого авизо несопоставимы. Николай Николаевич, готовьте все четыре аппарата, – сразу же встретил минного офицера Антон.

– Есть, – только что был – и вот словно ветром сдуло.

– Вижу цель, пеленг двадцать! – Сигнальщик взволнован, едва не дает петуха. Ну да оно и понятно – первое сближение с боевым кораблем. Это потом парнишки пообвыкнут, а сейчас для них все в новинку, нервы на пределе.

– На дальномере.

– Цели не наблюдаю. – Понятно, это в ночную оптику корабль уже определился, на дальномере она послабее будет. Как бы то ни было…

– Курс тридцать пять. – Нужно взять упреждение, чтобы торпеды имели возможность поразить цель с как можно большей дистанции.

– Есть курс тридцать пять.

Вновь легкий крен – и «Росич», рассекая водную гладь со скоростью в тридцать пять узлов, устремляется напересечку противнику. Его пока не видно, но это только пока. Аппара-

ты к бою изготовлены, экипаж стоит по боевым постам, ребята заметно нервничают, напряжение ощущается прямо-таки физически. Ну, Господи помилуй.

– Вижу цель! Дистанция двадцать четыре кабельтовых!

Вот и ладушки. Ход тут же снижается до крейсерских десяти – незачем выдавать себя бурунами, да и торопиться некуда. Антон приникает к ночной оптике, которая в настоящий момент застопорена в боевом положении и выполняет роль прицела. Корабль виден смутно, только очертания – ни принадлежности, ни класса установить не получается. Хотя, судя по контурам, на крейсер все же не тянет, водоизмещение тысячи три-четыре, но это так, умозрительные заключения, основанные на среднепотолочных данных. Две слегка скошенные назад трубы. Вроде вырисовываются очертания орудий, но полной уверенности нет. А с другой стороны, на гражданское судно не похож.

– Доверни на пару градусов вправо. – Рулевой послушно выполняет команду, и контур корабля начинает перемещаться в намертво закрепленной оптике, вроде нормально. – На дальномере.

– Дистанция двадцать кабельтовых.

Рано. Мины будут запускаться на тридцатиузловой скорости, дальность хода в двадцать два кабельтовых – нужно отыграть еще хотя бы пару для полной уверенности, тем более что обстановка вполне это позволяет. Цель опять смещается, по прикидкам, идут двенадцатиузловым ходом или

около того.

– Еще вправо на один градус.

– Есть право на один градус.

Вновь корабль перемещается немного назад. Вроде нормально получается с упреждением. Дальномерщик продолжает выдавать дистанцию. Ага, восемнадцать кабельтовых. Пора!

– Первый пошел!..

– Первый пошел! – вторит Некляев, минный офицер «Росича». Толчок. Легкая дрожь палубы под ногами. Всплеск.

– Второй пошел!..

Все, теперь пора отваливать. Попадут торпеды в цель или нет, уже не имеет значения – нужно уходить. Все, что могли, они уже сделали: четыре сигарообразных вестника смерти уже мчатся к своей цели.

– Лево сто!

– Есть лево сто.

Угол довольно велик, а потому, несмотря на небольшую скорость, «Росич» дает ощутимый крен – конечно, не так, как даже на среднем ходу, но все же. Антон замер, наблюдая за секундной стрелкой. Черт, как все же медленно тянется время. На палубе движение, минеры спешно, но без суеты перезаряжают аппараты: все же великое дело тренировка. Время.

Проходит еще несколько лишних секунд, прежде чем раздается взрыв, затем с трехсекундной задержкой еще один. И

все, тишина. Похоже, первая и последняя мины прошли все же мимо. Антон вновь приникает к оптике, развернув ее в сторону атакованного противника. Хотя виден только контур корабля, сразу заметно, что он сильно кренится на правый борт. Включилось освещение, но практически сразу погасло – значит, динамо-машина издохла. Замелькали какие-то огоньки, которые начали беспорядочно метаться по палубе: не иначе как члены экипажа вооружились фонарями. Крен продолжает неуклонно расти, вот он достиг угрожающего угла – и корабль начинает опрокидываться. Антон как завороженный наблюдает за этой картиной агонии. Попробовать кого-нибудь спасти? Ну уж нет. Не дай господь, окажется, что это какой-нибудь нейтрал. Да и парням сейчас ни к чему смотреть на людей, беспомощно болтающихся в воде и молящих о помощи. Одно дело представлять себе эту картину, совсем другое – наблюдать воочию. Нужно отправляться на поиски «Чукотки», здесь они свое дело уже сделали.

– Ваше превосходительство, вы приказали сообщить в любое время, если на связь выйдет прапорщик Песчанин.

Дукельский, вытянувшись в струнку, стоял перед Макаровым, который со сна часто моргал и никак не мог сосредоточиться. Чертов Того – и неймется же ему, – этой ночью была повторная попытка запереть проход, а как следствие – бессонная ночь для адмирала, которая по счету. Слава богу, с брандерами разобрались, японцам так и не удалось по-

вторно перекрыть фарватер, хотя они и задействовали шесть пароходов под прикрытием двух дивизионов миноносцев.

В Артуре сейчас с легкими силами было не сказать что плохо – просто катастрофа, в строю было всего-то шесть миноносцев, остальные в ремонте. Но убранный-таки из прохода «Бывалый» позволил выйти в море «Новику» и «Бояр ину», команды которых долгое время изнывали от безделья и злости. Сегодня ночью они оторвались на всю катушку, вымещая весь накопившийся негатив на противнике, и три потопленных миноносца тому подтверждение. Степан Осипович и сам не удержался – отмахнувшись от всех уговоров, он поднял свой флаг на «Новике» и лично участвовал в бою за проход. И вот теперь решил немного вздремнуть, хотя бы часик.

Наконец сказанное флаг-офицером, с виноватым видом стоявшим сейчас перед ним навытяжку, дошло до сознания Макарова, и тот, резко потерев лицо, тут же взглянул на часы. Меньше часа. Он проспал меньше часа – выходит, что и не поспал, а всего лишь вздремнул. Да-а, все же возраст берет свое, в молодости у него энергии хватало куда на большее. Ладно, отоспимся на том свете.

– Читайте.

– «Будем в пределах видимости крепости в девять часов. Песчанин». – Опять быстрый взгляд на часы – да что ты будешь делать, никак не получается сосредоточиться. Ага, восемь тридцать.

– Передайте Матусевичу мое распоряжение. Крейсерам в полном составе выдвинуться на внешний рейд. При получении от наблюдателей на Электрическом Утесе сообщения о приближении «Чукотки» и «Росича» идти на сближение.

– Миноносцы?

– Нет. Им и без того за последнее время достается, а усталость имеет свойство накапливаться. Не хватало еще начать по-глупому нести потери, только потому что экипажи переутомились. И если вам не трудно, разбудите меня, как только корабли сблизятся. Что-то я совсем расклеился – думаю, что час у меня всяко-разно будет.

– Непременно, ваше превосходительство.

Как только дверь за Дукельским закрылась, Макаров мельком взглянул на календарь. Надо же, первое июня, Песчанин точен. Что же, сам он тоже выполнил все намеченное – вон проход расчистили, как и обещал. Довольно улыбнувшись, Степан Осипович откинулся на подушку и, перевернувшись на другой бок, натянул на себя плед, а уже через минуту каюта наполнилась легким храпом уснувшего на кожаном диване адмирала.

За то время, что прошло после памятного боя у Цинь-чжоу, успело произойти несколько событий. Победа в этом бою, в большей степени обусловленная именно вмешательством моряков, подбросила весьма увесистую гирьку на весы Макарова в его подковерной борьбе за сосредоточение командования в одних руках. В немалой степени этому способ-

ствовало то обстоятельство, что, благодаря доставленным беспроволочным телеграфам, удалось наладить связь с Инкоу, откуда телеграммы прямиком направлялись в Мукден к наместнику. В одной из телеграмм Степан Осипович горячо уверял Алексеева, что вопрос о единоначалии в Артуре необходимо решить в кратчайшие сроки, ибо у него, Макарова, имеется план мероприятий по укреплению обороноспособности Квантуна и недопущению захвата японцами столь необходимого им города Дальнего с его портом. И это в то время, как настроения сухопутного командования указывали на то, что рассматривается только вопрос о скорейшем отходе к крепости, но никак не о недопущении японцев на полуостров.

Алексеев отреагировал незамедлительно. Конечно, он не любил Макарова, и его успехи не так чтобы и сильно радовали наместника, но Макаров был моряком, а тут уж в дело вступала кастовость. С другой стороны, нелишним было указать его величеству, что моряки, несмотря ни на что, бьют японцев и в море, и на суше. Эвон японцы устроили диверсию и затопили русский пароход в проходе, но моряки не только не опустили рук, а подготовили операцию, в результате которой адмиралу Того были нанесены огромные потери. Стессель настолько плохо организовал оборону цзиньчжоуских позиций, что если бы не вмешательство моряков, то русские части непременно сбили бы оттуда. Алексеев не преминул в красках расписать все недостатки и то, как это

сумели компенсировать моряки, вспомнил он и установленные открыто орудия, которые были приведены к молчанию уже через несколько часов после начала боя, и об имеющихся в наличии и никак не использованных аэростатах, кои так успешно применили моряки. Одним словом, писано было много, а как результат – его величество принял именно то решение, которого так добивался Алексеев.

Сейчас на тафаншинских высотах спешно возводилась оборонительная линия, на закрытых позициях устраивались батареи полевых орудий. По ночам на старых позициях демонтировались орудия и переправлялись на новые, а вместо них ставились муляжи. Солдаты не скрываясь подновляли укрепления, демонстрируя готовность держаться там и дальше, в то время как за их спинами готовилась та линия укреплений, которую, собственно, и собирались удерживать русские.

Землю вспороли зигзаги окопов в три линии с такими же зигзагообразными ходами сообщений. На позициях появились блиндажи, которые перекрывались бревнами в три наката, что позволяло им выдержать даже прямое попадание стопятидесятимиллиметровых снарядов полевых мортир. Но самое главное – возводилось двадцать дзотов, которые должны были перекрыть сплошным пулеметным огнем все пространство перед линией обороны. Перед траншеями вырастали проволочные заграждения из колючей проволоки.

Как только Рашевский разработал новую систему обороны, материалы посыпались как из рога изобилия. Концерн, эта темная лошадка, щедрой рукой раздавал лес, цемент, ту самую колючую проволоку, закупленную в огромных количествах в САСШ[1]. Нет, все это закупалось, но как. Командование только и успевало писать расписки о выплате за все предоставленное по окончании военных действий, и представителям концерна этого было вполне достаточно. У них же было закуплено две сотни пулеметов, сумели они предоставить в достаточном количестве и патроны, которыми, как оказалось, были забиты их склады. В войска поступило и кое-что новое. Гранаты были придуманы уже давно, но те поделки можно было именовать только бомбами, а вот то, что предоставил концерн, могло именоваться именно гранатами. Всплыли на свет божий и минометы. Представители концерна провели демонстрацию этого оружия, и Белый, он сейчас командовал всей артиллерией на Квантуне, остался им весьма довольным. Легкие, маневренные, способные вести навесной огонь, перекрывая практически все мертвые зоны, минометы должны были сказать свое веское слово в этой гористой и сильно пересеченной местности. В настоящий момент для их освоения был уже выделен личный состав, вот только успеют ли они в достаточной мере овладеть новым оружием до того, как навалится противник, было еще

[1] Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ – принятая в те годы аббревиатура).

непонятно.

Макаров не раз и не два задавался вопросом: почему происходит именно так? Предоставь концерн все это раньше… И тут же сам себе и отвечал: все было бы так же. От них попросту отмахнулись бы, как, впрочем, это, по сути, и произошло. Ведь не вчера стало известно о пулеметах, не вчера Песчанин обратился к Рашевскому с предложением о переоборудовании позиций, и не просто с предложениями, а с конкретными расчетами и в готовности передать очень многое из того, что потребуется для ее возведения. Слишком поздно? Как бы не так. Не прошло и двух недель после того, как было принято решение о возведении новой линии укреплений, – и она уже практически готова, и это притом что новый рубеж намного длиннее первого. Да, для его возведения пришлось привлечь практически весь личный состав дивизии, на время превратившийся в землекопов, каменщиков, плотников, но ведь это возможно…

Все просто. В России, увы ей, новаторы могли предложить что-то новое и полезное не системе, а лишь отдельным личностям. Вот попытался Песчанин выдать на-гора свои задумки при Стесселе – и напоролся на глухую стену непонимания. Повторная попытка его друзей, когда у руля были уже Макаров и Кондратенко, генерал новой формации и передовых взглядов, – и дело пошло, так как они уже руководствовались не вопросом «как бы чего не вышло», а только лишь стремлением удержать Квантун, удержать во что бы то ни

стало.

Похожая история и с бронепоездами, оказавшимися главной ударной силой в происшедшем сражении и нанесшими основные потери противнику. А ведь они были построены не благодаря распоряжению Стесселя, а именно по приказу Макарова, силами флота и концерна. Более того, и в бою они действовали, руководствуясь собственной инициативой, практически не согласовывая своих поступков с сухопутным командованием. Только когда наметилась критическая ситуация на левом фланге, Покручин проинформировал Надеина о своем намерении выйти во фланг и тыл атакующим с намерением нанести сокрушительный удар. Благо Надеин или его начальник штаба, чего уж сейчас-то, быстро сориентировался и стянул все, что только было возможно. А если бы моряки планировали свои действия совместно с командованием дивизии, то тут уж подготовленный заблаговременно контрудар обещал наворотить таких дел, что русские могли бы не просто удержать свои позиции, а погнать противника обратно, возможно, и разбить наголову.

Все это время, с момента назначения его командующим, Макаров метался между Нангалином и Порт-Артуром, а потому выматывался до последнего. Нет, он не мог ничего предложить по производству работ, тем более что сам Кондратенко был по образованию военный инженер, но старался держать руку на пульсе. Как только стало ясно, что проход вот-вот будет свободен, Степан Осипович полностью со-

средоточился на эскадре. Нужно было готовить корабли и, самое главное, личный состав к боевым будням. Только перехватив инициативу на море, Россия могла победить в этой войне, он всегда верил в это, а стало быть, ему придется продолжить спор с Того и заставить его отступить. Тем более что для этого у него был неплохой шанс: за время стояния успели отремонтировать все корабли и даже провести профилактические работы по переборке машин. Плохо было с миноносцами – чего уж там, просто катастрофа, – но приходилось играть теми картами, которые были сданы.

Когда Дукельский в очередной раз разбудил Макарова, тот проснулся уже куда более бодрым. Нет, полностью восстановиться не получилось, но и состояния полной разбитости тоже не было. Наскоро приведя себя в порядок, Степан Осипович поднялся на мостик. Понятно, что в море нечего и думать о том, чтобы принимать доклады, и по большому счету ему тут вообще было не место, но он хотел лично присутствовать при прибытии этих кораблей. Это были не просто корабли – это был его залог на успех в предстоящих боях. Эти два корабля были вестниками того, что переход небольшого отряда по Желтому морю – это не иллюзия, а вполне свершившийся факт, и если это возможно для двоих, то по силам и десятку, тем более что десяток будет куда опаснее.

Организация встречи оказалась нелишней, так как напересечку «Чукотке» и «Росичу» уже двигались два отряда из четырех легких крейсеров и четырех миноносцев. Возник-

шие русские крейсеры вынудили противника изменить курс и ретироваться, бессильно наблюдая со стороны за тем, как в крепость проходит транспорт с необходимыми для осажденной крепости грузами. А чем еще мог оказаться этот пароход?

Было у этого выхода еще одно значение. Как видно, появление на блокирующей линии одних только легких сил говорило о том, что Того еще не имеет информации, что проход удалось расчистить. Возможно, у него были сведения от участвовавших в ночном бою командиров миноносцев, но появление легких крейсеров, имеющих куда более мелкую осадку и габариты, вовсе не означало, что проход свободен. Затонувший пароход вполне могли и развернуть вдоль прохода, что позволило бы вывести «Новика» и «Боярина». А вот выход всех крейсеров уже говорил однозначно о том, что проход свободен. Это обстоятельство неизменно должно было оказать влияние на дальнейшие действия японского адмирала. А вот какими они будут? Что же, война план покажет.

– Экипа-аж! Сми-ирна! Ваше превосходительство, плавбаза «Чукотка» и миноносец «Росич» прибыли в ваше распоряжение. Личный состав здоров, матчасть исправна. Командир миноносца «Росич» прапорщик Песчанин. – Антон, не скрывая своего радостного возбуждения, смотрел на адмирала, который ему показался несколько усталым, ну да не на пикнике – чай, тут война. Сам он тоже изрядно устал –

все же больше недели в море в постоянном напряжении, – но он был и помоложе.

– Вольно.

– Вольно!

Макаров внимательно осмотрел экипаж этого кораблика, только что завершившего трудный переход по водам, где господствовал противник. Господи, да ведь это же самые настоящие мальчишки, им еще года по два-три до призывного возраста. Но орлы. Глаза горят лихорадочным огнем, лица полны задора, ну ничуть не уступят бывалым морякам. Отдельной группой стоят офицеры и унтеры. А вот тут полный контраст – все отставники, хотя и выглядят бодро, но видно, что годы у них уже не те, хотя, как говорится, есть еще порох в пороховницах. А вот знаков различий никаких. Кхм.

– Прапорщик, давайте пройдем в вашу каюту.

– Прошу, ваше превосходительство. Виктор Михайлович, командуйте.

– Что так-то, по имени-отчеству, перед строем? Непорядок, – когда они наконец оказались в каюте Антона, попенял адмирал.

– Так звание только у меня, остальные по-прежнему являются бойцами Магаданского ополчения.

– Мой недосмотр. Наверное, старею. Сегодня же представьте списки Петру Афанасьевичу, он командует отдельным отрядом истребителей, в который войдут оба корабля.

– Слушаюсь.

– Докладывайте, как прошел переход.

– Прибыв в Магадан, я организовал рейд по Охотскому морю, уменьшив рыболовный флот японцев на двенадцать вымпелов. Паре судов я дал уйти, чтобы до противника дошло, что «Росич» сейчас охотится в тех водах в составе ополчения.

– Могут и корабли подтянуть.

– Сомнительно, ваше превосходительство, сейчас для них главное – Порт-Артур и Владивосток, а вот если с этим разберутся, тогда вполне возможно.

– Продолжайте.

– Переход прошел без происшествий, нам вполне удалось проскользнуть незамеченными.

– Никого не пытались атаковать? – Макаров вперил в Песчанина внимательный взгляд, и тот, не выдержав, потупился.

– На траверзе Чемульпо нами был обнаружен крейсер, который шел без ходовых огней, я принял решение об атаке.

– Вы с ума сошли?! Откуда уверенность, что это японский корабль?!

– Я в своем уме, ваше превосходительство. Если это был нейтрал – это он сошел с ума, решив бродить по театру военных действий без ходовых огней.

– Прапорщик, запомните раз и навсегда: с вольницей покончено с того момента, как на ваших плечах оказались погоны. Вы получили конкретный приказ не ввязываться в бой без крайней на то необходимости. Вы считаете, что вправе

игнорировать мои приказы?

– Никак нет.

– Тогда как мне расценивать ваши действия? Молчите? – Макаров смотрел на Песчанина не то что осуждающе – нет, он готов был съесть этого глупца с потрохами, целиком и без остатка. Господи, ну где у него были мозги, когда он решил атаковать неизвестный корабль? – Значит, так. Если выяснится, что вами был потоплен японец, так тому и быть, вот только на награды не надейтесь, но если это окажется нейтрал… Ну, я не знаю. Не в моем характере выдавать своих подчиненных, но если все сойдется на вас…

– Я все понял, ваше превосходительство. Что же, отвечу по всей строгости.

– Да уж придется. Вас не заметили? – тут же переменился Макаров. Сейчас он просто олицетворял пословицу «И хочется, и колется, и мамка не велит». Вот хотелось ему похвалить Песчанина, так как отчего-то в том, что потоплен японец, сомнений не возникало, но нельзя. Это же просто безобразие, что он себе позволяет. Да если каждый прапорщик или мичман…

– Атака была ночью, видимость очень плохая, дистанция в восемнадцать кабельтовых – сомнительно, чтобы нас смогли рассмотреть.

– Ладно, забудем пока об этом. Пока. С чем прибыли?

– На «Чукотке» имеется половина от полного запаса топлива. Складировано тысяча фугасных снарядов калибром

семьдесят пять миллиметров, четыре самодвижущихся мины. Также нами доставлено продовольствие, консервированные рыба и красная икра. Я подумал, что для госпиталей будет полезным иметь в своем рационе эти продукты. Это будет передано безвозмездно. Не надо на меня так смотреть, ваше превосходительство, – вскинулся Антон заметив ироничный взгляд адмирала. – Я не собираюсь таким образом ничего покупать, в том числе и вашу благосклонность. Это было запланировано изначально.

– Так же, как и подготовка более чем трех сотен сестер милосердия в детском приюте и целый склад медикаментов и медицинского инвентаря?

– Именно так. А еще – выгрузка продовольствия даст понять возможным японским шпионам, что «Чукотка» является обычным транспортом, доставившим в Артур продовольствие. Будем надеяться, что объемам они не придадут большого значения. Опять же в акватории нашего завода мы вполне в состоянии обеспечить секретность.

– Ох и странные вы, господа «Росичи». Есть еще что-то, чего я не знаю?

– Возможно, ваше превосходительство.

– А вам не кажется, что старшему воинскому начальнику в осажденной, да чего уж, именно в осажденной, крепости стоит знать несколько больше, чем вы решите рассказать?

– Мы – гражданское предприятие. Но в силу сложившихся условий вы, разумеется, будете в своем праве, если реши-

те поставить у нас все с ног на голову. Вот только вся наша скрытность до этой поры шла лишь на пользу, а не во вред.

– Если забыть последнюю выходку…

– Она не имеет никакого отношения непосредственно к концерну.

– Что ж, тоже верно. Ну, пока вас не объявили пиратом, – Макаров все же не удержался и ухмыльнулся, – поступаете в распоряжение Науменко. Кстати, на «Чукотке» случайно не предусмотрена возможность установки артиллерии?

– Имеются фундаменты для шести семидесятипятимиллиметровых орудий.

– Маловато, но все лучше, чем ничего. Установка не займет много времени?

– Никак нет. Орудия можно установить в течение суток, а возможно, и меньше.

– Элеваторы, я так понимаю, не предусмотрены?

– Имеется только один, но это скорее для пополнения боекомплекта на миноносцы, а так, при случае, придется разносить вручную.

– Неразумно.

– Матка переоборудовалась из обычного грузопассажирского судна, нас интересовали только удачные обводы корпуса, чтобы можно было добиться достаточно высокой скорости. Если бы строилось специальное судно, его можно было бы спроектировать куда удачнее, а переделка – она и есть переделка.

– Согласен. Напоследок напоминаю в последний раз. С вольницей покончено.

– Есть.

Глава 2
Западня

– Да-а, завертелось тут у вас, – когда с приветствиями было покончено, произнес Антон, нарочито почесав затылок.

– А ты как думал! – довольно улыбнулся Сергей.

В настоящий момент оба бронепоезда находились в районе Нангалина. Несмотря на то что на фронте наметилось затишье, эти подвижные батареи, столь хорошо проявившие себя в бою, все время находились на боевом дежурстве. Правда, был поочередный отвод для ремонта, но сейчас оба были в строю. Однако там произошла некоторая реорганизация. Участие в памятном бою показало, что оба состава хороши именно как подвижные, маневренные батареи, а вот применение их в качестве фронтовых было крайне нежелательным. Слабое бронирование, вследствие чего весьма существенные потери, низкая скорострельность орудий, сам весьма мощный калибр, дистанция огня диктовали иную тактику применения этих боевых единиц, а именно – с закрытых позиций и вдали от линии фронта.

Исходя из этого, было принято решение о замене десанта и сокращении его численности до пятидесяти человек. Роту Звонарева в полном составе перевели на другой бронепоезд, который планировалось сделать именно фронтовым,

а соответственно и десант там должен был быть из подготовленных людей. Подразделение Сергея настолько хорошо проявило себя в прошедшем сражении, что его не задумываясь перебросили на новодел, тем более что он принимал участие в строительстве первых бронепоездов, значит, окажется полезным и при строительстве нового.

В депо сейчас велись работы по постройке этого нового типа бронепоезда. Его отличало куда более мощное бронирование, толщина которого доходила до сорока миллиметров в бортах, так что полевым орудиям он был уже не по зубам. На одной четырехосной платформе в разных концах устанавливались два семидесятипятимиллиметровых полевых орудия в поворотных башнях. Конструкция получалась несколько неуклюжей и угловатой, но иначе никак: нет тут пока танковых орудий, и ничего с этим не поделаешь. Всего состав включал в себя паровоз с тендером, две орудийные платформы, десантный вагон, две двухосные платформы с ремонтным материалом, на которых должны были располагаться в укрытии из шпал пулеметные точки. Практика показала, что полотно нужно все же зачищать, не то и до беды недолго. Была и новинка: между десантным вагоном и артиллерийской платформой нашла свое место еще одна четырехосная платформа с хорошо бронированными стенами, вот только крыша у нее отсутствовала, а борта были всего метр высотой. Здесь расположились четыре миномета – уж больно живо стояла картина засевших за железнодорожным

полотном японцев, которых не могли достать ни артиллерия, ни винтовки. Командиром батареи назначили прапорщика из запасников. По предложению Сергея командир бронепоезда отправил новоявленных минометчиков к Гаврилову: если где и могли преподать им урок, то только там.

Именно благодаря этому Сергей и имел возможность повстречать друга в тот же день, когда он прибыл. Правда, встреча состоялась уже поздно вечером. Звонарев весь день провел в депо, Песчанин занимался вместе с тестем перераспределением личного состава, укомплектовывая «росичи». Но вот на землю опустилась ночь, и у них появилось время, чтобы отпраздновать встречу. Ну, без фанатизма – пришлось ограничить себя только легким вином: не хватало еще наутро маяться с похмелья.

– Стало быть, Макаров не оговорился, когда назвал себя старшим воинским начальником в Порт-Артуре?

– Читай, на Квантуне. Тут такая подковерная резня была, что мама не горюй. Сразу, как только утвердили назначение Макарова, тот озаботился отправкой Стесселя в Чифу, выделив для этого целых четыре миноносца, – считай, целую операцию под это провернул. Хотел было и Фока отправить, благо тот уже на поправку пошел: очень не понравилось Степану Осиповичу, как тот противодействовал десантной операции японцев, – но раздумал. Знаешь, у Фока весьма высокий авторитет у личного состава дивизии – ну ничуть не меньше, чем у Кондратенко.

– Этот умник еще доставит проблем, попомни мои слова.

– Может, ты и прав, но видишь ли, тут не все столь однозначно. Командир он довольно неглупый.

– Может, и неглупый, да только если бы Семен не позаботился о нем, то наверняка сдал бы позицию – не помогли бы и бронепоезда.

– Возможно, но не факт.

– Ты его не больно-то защищай. Если бы не его гениальное командование, то в той истории Артур продержался бы еще как минимум месяц. После гибели Кондратенко он только и делал, что сдавал одну позицию за другой, быстро доведя ситуацию до критической.

– Это если исходить из тех данных, которыми располагаешь ты. А могут ли твои данные быть полными, позволяющими сделать однозначный вывод? Сомневаюсь.

– Ох, Сережа, тебя послушать – так и Ренненкампф в известной нам истории невинный агнец, а ведь его действия повлекли поражение русских в Пруссии, и именно благодаря им была наголову разбита вторая армия под командованием Самсонова. Фок когда-то был лихим офицером, участником турецкой кампании, обороны Шипки, но сейчас он если и не предатель, то балласт. Кстати, Ренненкампф уже отличился в ходе подавления «боксерского» восстания и вполне будет лихо и грамотно воевать с японцами, но в четырнадцатом году попросту подставит русскую армию[2]. Так что не больно-то

[2] Суждения Песчанина ошибочны, так как разгром армии Самсонова во мно-

доверяйся чувствам. Не хватало еще, чтобы Фок к Первой мировой тоже командовал какой-нибудь армией.

– Опять ты рассуждаешь, основываясь на данных, которые были обнародованы в советское время, но ведь мы знаем, что историю пишут победители.

– Не тот случай. Ренненкампфа отстранил от командования император, Советы его только расстреляли.

– Но ведь не отдал под суд!

– Может, ты и прав. Ладно, хватит о высоком. Объясни-ка мне, любезный, что же ты вытворяешь? Я там распинаюсь, расписывая, в каком ты тихом месте, а ты тут в штыковую ходишь!

– А откуда…

– Ну, о твоей лихой атаке разве только ленивый в Артуре не знает, опять же награда боевая за красивые глазки не дается. Не смотри на меня так. Да, я только сегодня приехал. Да, времени собирать сплетни у меня не было. Но ты забываешь, что непосредственным начальником у меня мой тесть, так что он мне многое порассказал. И про минную постановку, и про Цзиньчжоу.

гом был обусловлен именно безграмотными действиями самого командующего второй армией. Действия же Ренненкампфа отличались сбалансированностью и выверенностью. Однако в результатах следствия по разгрому в Пруссии именно он был признан виновным, а не Самсонов, однако тот факт, что его лишь отстранили от командования и отправили на пенсию, указывает на то, что не все было столь однозначно. Расстрелян красными по обвинению в разгроме русской армии в кампании 1914 года.

– Ну, так уж вышло, – тяжко вздохнув, потупился Сергей.

– Так вышло, говоришь. А ты в курсе, что ваши жены мне устроили форменный скандал и обвинили во всех смертных грехах? Понятно, что нет.

– Вы поссорились с Аней? – тут же вскинулся Звонарев, и на этот раз вид у него был озабоченным.

– Не то слово. Разругались в хлам. Вернее, она разругалась, а мне и ответить было нечего, – вздохнув, ответил Антон.

– Зря это она.

– Зря-а. Ты бы наперед думал, а потом на фронт бегал. Да это бог с ним, помиримся, правда, если ты, дуболом, жив останешься, но ведь тебе неймется. Все решилось, все поняли, что эти бронепоезда на передовую выпускать не следует, а лучше держать в тылу. Ну все нормально, кроме того, что тебе обязательно нужно было напроситься именно на фронтовой бронепоезд.

– Я не просился. Просто так уж вышло. Получил приказ – взял под козырек.

– Вот попомни мои слова: если японцы не убьют – сам грохну. Отработать назад никак? – все же успокоившись, поинтересовался Антон.

– Не. Не поймут.

– Эх, Сережа, Сережа. Ладно, чего уж. Ты там смотри, хотя бы поаккуратнее, у нас еще столько дел, что мама не горюй. Кстати, как там у Гризли?

– Нормально, – заметно оживился Звонарев, когда понял, что гроза вроде как миновала. – Сидит в своем медвежьем углу и в ус не дует. Его как поставили охранять Инченцзы, так он там и торчит, со сменой командования ничто не поменялось. Знаешь, полное ощущение, что о нем попросту забыли, – он ведь был в непосредственном подчинении у Стесселя. Стоит себе часть и стоит. В седьмой дивизии думают, что это подразделение четвертой, а там – что седьмой.

– Бардак.

– Полный. Но Семена устраивает. Как он говорит, и к передовой поближе, и никакого командования.

– Ну а на заводе как?

– Тяжко, как еще-то. Вот вроде тысяча человек, и еще китайцев понабрали, сейчас уже начинаем понемногу к станкам ставить – у кого с овладением специальностью получше, – а людей как не хватало, так и не хватает.

– Ну дак пускай Зимов не разбрасывается.

– А как ему не разбрасываться? Снаряды двух видов дай. Вот сейчас минометы в ход пойдут, и расход у них намечается мама не горюй. Опять мины дай. Гранаты тоже дай. Все пулеметы, что на складах были, уже разошлись. А сколько они патронов сожрут? Наши забитые склады очень скоро опустеют, если производство не будет поспевать. И это только по боеприпасам. Люди в две смены пашут по двенадцать часов.

– А кому сейчас легко? – вздохнул Песчанин, и было это

не наигранно, а вполне искренне. – Людей-то не загоняем?

– Ничего, эвон в отечественную не меньше пахали да со скудным пайком, и ничего, выстояли, а здесь и котел изрядный, и медицинское обслуживание, и досуг.

– Ну там-то за Родину, а здесь…

– А здесь наши рабочие за солдатиков жилы рвут. Почитай, все женщины в госпиталях работают, рассказывают муженькам о страдальцах. Опять же разъяснительную работу проводим, фильмы крутим.

– Так, значит, с хроникой пошло?

– Пошло – не то слово. Стессель, кстати, с собой увез чуть не два десятка коробок с пленками, опечатанных, понятно, лично для царя. Под Цзиньчжоу все четыре оператора работали, одного тяжело ранило, да аппарат немного повредило, хорошо, хоть пленки не засветились. Кстати…

– Привез я аппараты, три штуки, больше изготовить пока не успели. Но операторов тут уж…

– С этим проблем не будет: у Палухина сейчас уже дюжина добровольных помощников, прямо-таки влюбленных в синему. Вот смеяться будешь. У нас тут настоящая киностудия.

– Чего-о?

– А того. Кроме как хронику, Палухин начал снимать фильмы. Нет, то, что удалось доставить из заграничных короткометражек, тоже есть, но здесь настоящее немое кино. Со сценарием, смыслом, актерами, субтитрами, чтецом – ра-

бочие и солдаты ведь плохо читают, – под аккомпанемент пианино. Нам, понятно, смешно, но сейчас это просто фурор.

– А как же это?.. Это ты подсказал?

– Нет. Палухин сам догадался. Посмотрел на короткометражки и догадался. Он даже обратился с просьбой о выделении под шапито помещения и получил его, дело еще и прибыльное – жуть, так что, кроме поддержания боевого духа, и копейка капает: зал постоянно битком. Ну и выездные показы на позициях тоже не забывает. В общем, если его не тормознуть, то тут самый настоящий порт-артурский Голливуд выйдет.

– И не надо тормозить. Ты его в свободное плавание, надеюсь, не отпустил?

– Я что, дурной на голову? Быстренько сбацали акционерное общество, у концерна семьдесят процентов, но он доволен дальше некуда. Кстати, и перед царем засветимся, а то после Сучанска на нас немного негатива пролилось – глядишь, и до него докатилось, – а тут нате вам наше с кисточкой: и хроника, и кино в осажденной крепости снимаем. И завод наш засняли, рабочих за станками, да с пояснениями, да жен их, которые, проводив мужей на работу, идут в госпитали. Это уже я подсказал.

– Дубина ты, Сережа, – неожиданно выдал Антон.

– Вот те здрасте. Ты это к чему?

– А к тому, что тут такое поле деятельности, а ты на фронт

подался, – вот тут от тебя куда больше пользы было бы.

– Думаешь, не понимаю? Да поздно уже.

– Палухина надо бы не забрасывать, подсказывать, как да чего. Ну не мне тебя учить, ты в деле подсказок уже ас.

– Не переживай, не заброшу. Ну как, по маленькой?

– Наливай.

– Степан Осипович, я все же считаю, что отправлять мой отряд рано, – проговорил Науменко, наконец отодвинув чашку с уже выпитым чаем.

Макаров с каким-то сожалением посмотрел на Веру Ивановну, которая, заметив, что разговор перетек в иную плоскость, начала сноровисто прибирать со стола. Прислуги у них дома отродясь не водилось, а потому и здесь чета Науменко осталась верной себе. Вернее, это супруга, которая привыкла со всем управляться сама, не желала заводить прислугу, ну а раз уж так решила хозяйка, то Петру Афанасьевичу ничего не оставалось, кроме как согласиться с этим.

Заметив этот взгляд, Науменко только мысленно ухмыльнулся. Нет, ни о какой ревности и речи не могло быть. Что было, то быльем поросло, вот только заметно – уж больно соскучился по уюту семейного очага этот неугомонный человек, и его полный сожаления взгляд был адресован не именно Вере Ивановне, а тому, что вот опять началось.

– Умеете вы все испортить, Петр Афанасьевич. В кои-то веки я позволил себе немного расслабиться, побыть в кругу

семьи, пусть не своей, но все же. Хоть бы дождались, когда мы, по обыкновению, пройдем в кабинет.

– Прошу простить.

– Да чего уж, – безнадежно махнул рукой Макаров. – Ну раз уж так, то давайте пройдем в кабинет, опять же Вере Ивановне мешать не будем.

– Вы мне никоим образом не мешаете.

– Мешаем, мешаем, – добродушно улыбаясь и поднимаясь со стула, возразил адмирал. – Если рассуждать как лицо, командующее флотом, то я соглашусь с вашими словами, – когда они наконец оказались в кабинете, начал Макаров. – Но все дело в том, что я сейчас должен думать не только о флоте, а вот тут получается совсем иная картина. Нарушение перевозок из метрополии в значительной степени ослабит противника на сухопутном театре, а сейчас судьба Артура и всей войны в большой степени зависит именно от успехов и неудач на суше. С Того мы еще схлестнемся, никуда он не денется, но прежде мне хотелось бы внести в их перевозки некий дисбаланс. Если действия вашего отряда вынудят японцев перейти к перевозкам посредствам конвоев, то это повлечет за собой большую выгоду. Того будет вынужден привлечь к конвоям военные корабли и отвлечь на это боевые вымпелы, причем не старье какое, а броненосные крейсеры, так как в этом случае над перевозками довлеют владивостокские корабли.

– Но он и без того держит там сильную эскадру.

– Держал – до тех пор, пока не выяснил, что проход теперь свободен. Так что не пройдет и пары дней, как минимум два броненосных крейсера будут уже под Порт-Артуром. Уверен, что соответствующий приказ ушел уже сегодня, причем не с посыльным кораблем, а по телеграфу, благо они его контролируют по всей Корее. Так что крейсеры если не ушли, то выйдут уже завтра. Ему просто необходимо иметь преимущество перед моей эскадрой, чтобы быть уверенным в своих силах. И как в таких условиях заставить его оттянуть часть сил в Корейский пролив? Владивостокский отряд? Сомнительно. Они уже не раз выходили в рейды, правда, результат не очень впечатляет, но даже эти малоэффективные действия наделали достаточно много шума. Теперь за действиями Иессена наблюдают очень пристально, но опять-таки нет ничего проще, как прекратить перевозки на несколько дней, пока крейсеры не отвернут обратно, а потом начать все заново. Ваш отряд – дело совсем другое. Он будет способен действовать автономно, длительный срок и охватить большую территорию, он как заноза будет беспокоить противника. Вы можете начать еще на траверзе Чемульпо и постепенно спускаться к Корейскому проливу, затем выйти в Японское море и начать терроризировать район Цусимы. В конце концов, обогнуть Японию и выйти на Тихоокеанское побережье. Крейсеры не имеют возможности такой автономности, как ваш отряд. Так что японцы будут обречены распылять свои силы. Обойтись одними миноносцами они не смогут,

так как те не имеют достаточного запаса хода, поэтому даже начало снабжения посредством конвоев не является панацеей. Да, конвои вам станут не по зубам, но остаются торговые перевозки, а Япония очень зависит от импорта. Много ли найдется желающих поставлять товары, если существует высокая вероятность того, что они отправятся на дно?

– Но «росичи» не так чтобы и велики, а кроме осмотровых команд, нужно еще куда-то девать экипажи пароходов – не высаживать же нейтралов на шлюпки в открытом море.

– И не надо. На «Чукотке» с относительными удобствами вы сможете разместить экипажи минимум десяти пароходов, а если людей немного потеснить, то и больше. Потом при заходе в какой-нибудь нейтральный порт высадите их и повторите. Не надо задавать вопросов, на которые и сами имеете ответы. Вы думаете, я не понимаю, что вам не терпится сцепиться с японцами в смертельной схватке? Прекрасно понимаю, но вы и ваш отряд нужны мне именно там, где нужны: на кровеносных артериях, которые питают Японию. Если нам удастся оказать влияние на экономику, если получится посеять панику в деловых кругах, то это будет агонией Японии – очень скоро она выдохнется. Вот сходите в один рейд – тогда подумаем и о том, как сломать хребет Того. Все же мне кажется, что, несмотря ни на что, он постарается сохранить преимущество здесь, у Артура, так что и решится все здесь. В связи с этим я попросил бы вас по возможности не афишировать дальноходные мины. Помимо новых мин вы

получите и обычные, я решил разоружить броненосцы, так что эти мины пойдут на ваш отряд.

– Рискованно, Степан Осипович. Получается, что вы все же делаете ставку на «Росичей», а ведь в походе всякое может случиться, мы можем понести потери. Можем потерять матку – и тогда просто не будем иметь возможности вернуться. Где мы сумеем раздобыть столь необходимый нам мазут? Ведь на всех станциях и во всех портах имеется только уголь. Я считаю, что сначала следует устроить баню японцам здесь, а уж потом отправляться в рейд. Сами посудите, о матке противнику ничего не известно. Они могут сделать какие-то выводы по тому, что «Росич» сумел пройти сюда, но это объяснится наличием топлива на борту парохода – для одного миноносца это не проблема, а для десятка уже совсем другая песня. Так что, кроме того, что у нас имеются в наличии новые мины, им больше ничего известно не будет, рейд для них явится такой же неожиданностью.

– Да, в предстоящем сражении я рассчитываю на «Росичей», а в частности – на новое минное вооружение. Даже если в ходе боя удастся потопить хоть один броненосец, это сразу перевесит чашу весов в нашу пользу. Вот только вы забываете о том, что в бою, если таковой случится, вы гарантированно понесете потери: дистанция в двадцать кабельтовых не так уж и велика, а канониры у Того далеко не безрукие. Сколько кораблей тогда сумеют отправиться в поход? А ведь еще будут и повреждения, значит, понадобится ремонт.

Когда «Росичи» смогут выйти в море? Сколько успеют перебросить войск из метрополии японцы? В этом случае эффект рейда будет смазанным. Так что будем действовать так, и никак иначе. Кстати, как там у вас с комплектованием?

– Нормально. Антон Сергеевич не обманул. Конечно, молоды еще, но, судя по всему, дело свое знают. Правда, пришлось с ним выдержать целое сражение. Я хотел на «Росича» назначить новую артиллерийскую прислугу – так он воспротивился, да так рьяно, что пришлось осаживать. Ведь что удумал: мальчишек к орудиям! Я ему проверенных комендоров – а он ни в какую. Хотел парнишек на «Чукотку» – там ведь тоже орудия будут устанавливаться, все одно подбирать народ. Так опять в штыки. Только и согласился, что Кузнецова отдать, у меня все еще незаполненной оставалась вакансия командира на один миноносец.

– Кстати, а где он? Я думал, что он обязательно посетит вас.

– Так и планировал, да как только узнал, что вы будете, стушевался и отработал назад. Впервые вижу, чтобы он пасовал.

– Это потому что раньше он был вольным стрелком, а сейчас на службе.

– Стало быть, досталось моему зятю.

– Пока только аперитив, и будем надеяться, что на этом все и закончится.

Корабли, корабли, корабли… Кругом одни корабли, вот только несколько угольщиков, а остальные все под военными вымпелами. Одни стояли, лениво коптя небо в ничегонеделании или, подойдя к угольщикам, принимали в свои недра черное золото, которому надлежало сгореть в их топках, даря жизнь механизмам этих стальных монстров и приводя их в движение и внушая уважение противнику. Другие – это в основном миноносцы – носятся по тесной акватории, поднимая волну, заставляя раскачиваться лениво и как-то величественно даже броненосцы.

Эти крепости из стали смотрятся тяжеловесно и весьма угрожающе, в особенности если задержать взгляд на их главном калибре, упрятанном в бронированных башнях. Они стоят отдельно, словно возвышаясь над остальными. Также отдельной группой стоят броненосные крейсеры – они хотя и уступят своим старшим братьям, но выглядят весьма солидно, броня и калибр вполне позволяют использовать их в эскадренном бою – если они и уступят первым, то ненамного. Легкие крейсеры, канонерки, вспомогательные корабли, вездесущие миноносцы, сосчитать которых практически невозможно, так как большинство находится в постоянном движении.

Элиот. Временная военно-морская база японского флота близ Порт-Артура, зажатая между островами с заминированными и перекрытыми боновыми заграждениями проходами, надежно прикрывающими от атак миноносцев про-

тивника. Именно отсюда выдвигаются отряды для проведения морских операций по блокированию русской крепости и уничтожению тихоокеанской эскадры Макарова. Сейчас здесь собраны далеко не все вымпелы, часть находится в районе Артура. Вся эта махина нацелена на одно: уничтожить или запереть русский флот на внутреннем рейде. Миллионы иен, сотни жизней, около десятка дорогостоящих судов и кораблей, а на выходе – ноль.

Не далее как два дня назад Того решил получше запереть русских и предпринял очередную попытку по закупорке прохода. К сожалению, вовремя снабдить его информацией о том, что проход уже свободен, не успели. Миноносец, который должен был получить эту информацию световым кодом, отчего-то к месту контакта не пришел. Это стоило больших жертв и очередного провала тщательно подготовленной операции. Снова миллионы выброшены на ветер, а положительного результата не достигнуто.

Ямомото тяжко вздохнул, осматриваясь с парового катера, которым его приказано было доставить с брандвахты на флагманский «Микасу». Миноносец опять не прибыл, а информация была слишком срочной, вот и пришлось обходиться рыбачьей калошей, чтобы добраться сюда, а потом его служба на Квантуне все одно подошла к концу, его отчего-то вызывали в Токио, поэтому он сам и отправился. Команды дежурных миноносцев были весьма удивлены его внезапным появлением – а чего удивляться, ну прошел над минами,

ничего сверхъестественного, не против же лодок они устанавливались. Там его высадили, досмотрели и, поняв, кого именно к ним занесло, отправили к адмиралу. Вообще отношение моряков к рыцарям плаща и кинжала не радовало: успели проникнуться духом европейских союзников.

Этим морякам сколько ни дай – все им будет мало, а толку чуть. Вот он, майор Генерального штаба Ямомото, решил задачу по закупорке прохода быстро и качественно, закрыв выход русской эскадры одним махом и с минимальными вложениями. Просто напряг извилины, приложил старание и, имея в распоряжении не больше десятка человек, осуществил то, чего не удавалось проделать всей этой махине. Другое дело, что повторить такое теперь весьма трудно. Не неосуществимо, а именно трудно.

В крепость все еще продолжают пытаться пробиться транспорты, мало того – уже вчера прибыл транспорт в сопровождении того самого миноносца, на который он указывал своему командованию еще до войны. Сторожевик. Как бы не так. Самый настоящий миноносец, и минные аппараты нашлось куда установить, и переход он осилил, а значит, с его механизмами все в порядке, и у русских есть еще восемь таких же, о которых не знает Того. Однако подловить такой транспорт трудно, да и не так их и много, по ним нужна отдельная информация, а ее-то у него нет, поэтому это пока нужно отложить. Тем более что появилась иная возможность. Вот тут потребуются вся мощь и потенциал японской

эскадры, только важно не упустить ее, потому как если морячки проспят, то она может быть утрачена окончательно, на повторение рассчитывать не приходится. Не полные же идиоты русские, что бы о них ни говорили, – и правильные выводы сделают, и меры примут.

Вообще в последнее время они как-то активизировались. Практически вся сеть в Порт-Артуре, с таким трудом налаженная и отработанная, была не просто засвечена, а ликвидирована. То, что оставалось, сетью быть уже не могло – так, отдельные агенты. Кстати, завалились не только японцы, но и завербованные русские и китайцы. Что-то указывало на то, что и тут постарался этот проклятый концерн: раньше такой слаженности у русской жандармерии не наблюдалось, а тут… Все решилось за одну ночь – русские широко привлекли солдат: сил жандармов и полиции для этого никак не хватило бы. Концерн имел слаженную и эффективную службу безопасности, которую, как видно, задействовал в помощь жандармам. В то, что стражи закона внезапно прозрели и научились работать с такими потрясающими результатами, Ямомото не верил.

– Майор Ямомото? – Лейтенант недоверчиво посмотрел на представшего перед ним крепкого мужчину в одеянии китайского рыбака. Было в этом не только недоверие, а что-то еще, что совсем не понравилось майору. Снобы. Да, он выглядел ничуть не лучше портовой швали, но пользы своей Родине принес куда больше, чем этот лощеный офицер,

много больше.

– Да, это я. Адмирал может меня принять?

– Может, для начала приведете себя в порядок?

– Не думаю, что командующего интересует мой внешний вид. Гораздо важнее то, что я собираюсь ему поведать. Так что, адмирал меня примет?

Очередной взгляд, брошенный свысока, – еще бы, майор Генерального штаба и в таком непрезентабельном виде, да еще и занимается делом, недостойным настоящего офицера. Интересно, а этот надутый индюк вообще имеет представление о том, что здесь как бы идет война? Судя по его виду, сомнительно.

Как бы то ни было, но вскоре он уже был в каюте адмирала. Того принял его весьма благосклонно, но не сказать, что был рад этой встрече: с чем бы ни прибыл этот человек, он являлся укором для командующего объединенным флотом. Никакие ухищрения и разработанные операции не смогли принести того эффекта, как только одна тайная и великолепно проведенная, автором и инициатором которой целиком и полностью был именно этот человек.

– Майор Ямомото? – И этот туда же. Ну да, его понять можно. С другой стороны, плевать, главное – дело, а оно ждать не может.

– Так точно, ваше превосходительство.

– Вы с таким упорством добивались встречи, что у меня сложилось ощущение, будто вы подготовили очередную ка-

верзу русским и вновь решили утереть нос японскому флоту.

– Ваше превосходительство, все мои действия направлены только на пользу Японии, у меня и в мыслях не было…

– Не обращайте внимания. Итак, я вас слушаю.

– Сначала ответьте на мой вопрос. Достаточно ли у вас сил для того, чтобы встретиться в открытом бою с русскими?

– Интересное начало. Макаров решил дать мне генеральное сражение, и вам удалось доподлинно это выяснить? – Внимательный и выжидательный взгляд в ответ на иронический вопрос. Это все пыль. Конкретный вопрос требует конкретного ответа. Майор ждал. – Хорошо. Уже сегодня утром прибыла эскадра Камимуры, что обеспечивает мне подавляющее превосходство над русскими.

– Превосходно, – сразу же оживился разведчик. – Мною подготовлена очередная диверсия, благодаря которой русские окажутся в вашем распоряжении в открытом море и при удаче вне пределов действия береговых батарей. Дальше все будет зависеть от флота.

– А вот теперь поподробнее, – оживился адмирал. Этот человек уже доказал, что способен действовать нестандартно и с большой отдачей, просто отмахнуться от его слов было неразумно.

– Макаров – слишком деятельная натура и отсиживаться на внутреннем рейде не станет. На сегодняшний день у него отремонтированы почти все корабли. В ремонте осталось только несколько миноносцев, остальная эскадра готова

к бою. Но он прекрасно понимает, что эскадру нужно сплавать, а это возможно достичь только практикой. Если не сегодня, то на днях он непременно выйдет в море для проведения маневров. Практика показывает, что он достаточно отдаляется от берега, а значит, если все правильно рассчитать, то можно вынудить его принять бой без поддержки с берега.

– И как я это смогу сделать? Дымы эскадры он обнаружит задолго до того, как мы сможем к нему приблизиться, а следовательно, опять отойдет под прикрытие батарей, а такой бой нам невыгоден.

– А вот об этом я уже позаботился. Во время стояния на внутреннем рейде на кораблях были проведены масштабные профилактические работы, так что выход эскадры в море состоится очень скоро – ведь механизмам нужно дать приработаться, проверить их. Так вот, мне удалось завербовать одного из инженеров и с его помощью организовать одну диверсию. Через четыре-пять часов после выхода эскадры в море на «Севастополе» выйдет из строя машина. Если броненосец даст полный ход, то и через пару часов. Окончательно хода он не потеряет, но будет способен дать не больше девяти-десяти узлов.

– Но ход все же останется?

– Да.

– Через сколько они сумеют устранить неисправность?

– Исправить можно будет только в порту, и очень нескоро, потребуется переборка механизмов. Но, если ими будет

встречен, к примеру, отряд со старыми кораблями, не думаю, что Макаров откажется от возможности еще пощипать наш флот. Погоня за ними может еще немного отдалить его от крепости, а вы, используя преимущество в ходе, сможете отсечь ему пути отхода. Я не знаю, как вы поступите, может, то, что я говорю, полный бред, я ведь человек сухопутный, но думаю, вы сумеете в должной мере использовать эту информацию. В любом случае повторить подобное мне уже не удастся.

– Тут очень много факторов, которые могут оказать влияние на развитие событий. Самое главное – как узнать, когда именно выйдут русские в море. Макаров слишком непредсказуем и может организовать выход в течение нескольких часов.

– Не думаю, что все настолько страшно. О подобном выходе становится известно как минимум с вечера, а выход обычно планируется наутро, чтобы впереди был целый день. У вас найдется миноносец для еженощного дежурства в заливе Меланхэ?

– Разумеется.

– Ему передадут световым кодом сведения о выходе эскадры в море. Остальное будет зависеть от вас. В вашем распоряжении будет несколько часов.

– Хорошо. Надеюсь, что все это окажется правдой. – Говоря это, Того походил на хищника, долго поджидавшего свою добычу и наконец увидевшего ее, – сейчас этот опас-

ный зверь уже изготовился к броску.

– И еще, ваше превосходительство. У Макарова в настоящий момент появилось еще девять миноносцев, и они сейчас активно готовятся к выходу, комплектуются экипажи, устанавливается вооружение. Эти корабли очень опасны, так как являются продукцией концерна «Росич». Я предполагаю, что они используют новые самодвижущиеся мины с большой дальностью. Об этом говорит то, что «Страшному» удалось подорвать наш крейсер на дистанции больше полутора десятков кабельтовых, а его бывший командир является тестем одного из учредителей концерна. Новые мины разрабатывались при поддержке концерна. Представители «Росича» очень сильно вкладываются в эту войну, вполне возможно, что они начали производить эти мины.

– Даже если их мины имеют дальность в двадцать кабельтовых, им нужно еще выйти на такую дистанцию, а это весьма затруднительно, а потом еще и попасть с такой-то дистанции.

– Но не невозможно. Вспомните бой при Лаотешане. Даже потеря всех девяти миноносцев в обмен на один наш броненосец неравнозначна.

– Хорошо, я буду иметь это в виду. Но миноносцы – это только миноносцы, они особой погоды не сделают, тем более днем. Что же касается того боя, то русские подготовили засаду, установили дымы, что позволило им приблизиться практически вплотную. В предстоящем же бою у них не

будет преимущества заблаговременно подготовленной позиции. Опять же там не было той концентрации противоминной артиллерии, что будет у целой эскадры.

– Этот концерн слишком многим нам уже насолил, чтобы сбрасывать его со счетов. Никому доподлинно не известно, чем там у них занимаются в их НИИ во Владивостоке. Кстати, идея бронепоездов, которые доставили столько неприятностей под Цзиньчжоу, тоже исходит от его представителей.

– Если этот концерн так не дает вам покоя, отчего же тогда вы не занялись им вплотную?

– Мне не дали на то разрешения, более того – запретили отвлекаться в преддверии войны от основного задания, решили отложить и заняться после войны. Мои же доклады о том, что концерн оказывает влияние на ход боевых действий, не воспринимаются всерьез.

– Как я уже говорил, я приму меры. Остается еще один вопрос. Насколько точно то, что ваши агенты сделают то, о чем вы говорили? Это не может быть провокацией русских жандармов?

– Исключено. Дело в том, что это не мой агент.

– ?..

– Это революционер, а еще представитель польского националистического движения. Вы не поверите, но по планам революционных организаций Россия должна непременно проиграть в этой войне, чтобы в стране можно было сбросить самодержавие. Я вообще считаю, что мы допустили про-

счет, напав на русских так рано. Сначала нужно было устроить у них революцию, а потом уже действовать. Конечно, время было бы потеряно, но результат был бы куда более положительным.

– Вы сомневаетесь в нашей победе?

– У России очень большой потенциал, и одной только силой оружия Японии с ней не справиться. У нас лишь один шанс – быстрая победа, но, похоже, война затянется. Нашей армии не удалось отбросить противника к крепости, а это потерянное время и война на два фронта: все же Порт-Артур способен выставить около пятидесяти тысяч штыков, при этом они будут обороняться на подготовленных позициях, и нашей армии потребуется как минимум тройной перевес.

– И какой же выход вы видите из этой, как вы говорите, безвыходной ситуации?

– Я не говорил, что ситуация безвыходная. Я говорил, что одной только силой с русскими нам не справиться. Вот если в России начнутся революционные волнения, тогда у нас появляется шанс. Об этом я неоднократно заявлял, но меня не хотели слышать.

– И потому заслали на Квантун? – Ответом адмиралу было молчание. – Что ж, не стану вас задерживать. Помочь с возвратом на полуостров?

– Был бы признателен, если вы отправите меня и того поляка на каком-нибудь корабле в Японию. Меня отчего-то вызвали в Генеральный штаб.

– А для чего вам понадобился этот поляк?

– Это признак плохого тона – бросать того, кто сослужил тебе службу.

– По-моему, предавший свою родину не заслуживает ничего иного, как презрения, к тому же предавший раз, предаст второй.

– И вы абсолютно правы, ваше превосходительство, но дело в том, что я не хочу уподобляться таким личностям, а откажи я ему в помощи, я предал бы. Не имеет значения кого – мразь или достойного человека, – предательство есть предательство. Так как насчет отправки в Японию?

– Нет ничего проще. Сегодня как раз отправляется посыльное судно. До Токио не обещаю, но в Сасебо вы попадете.

– Благодарю.

– Эй, малец, сбегай к Семену, принеси табачку, – удобно устроившись на завалинке, вальяжно бросил матрос.

А что, раз уж Господь сподобил и прислал целую прорву юнг, отчего не погонять мальчишек? Конечно, они вроде как и не мальчишки уже, еще года три – и вполне призывного возраста будут, ну да он-то, чай, уже пять годков на флоте. Вот выйдет замирение – и прямая дорога домой, так как тута день за пять идет, им уже зачитали указ царя. Хотя про него и говорят, что он кровопийца, встречались матросу такие умники, но слово свое держит крепко.

Плюгавого вида парнишка в нерешительности замер, словно решая, выполнить распоряжение старшего товарища или отбрить его. Все они были юнгами – а как их еще записать, до призывного возраста, чай, еще не доросли, вот и появилось в Порт-Артуре их избыточное количество, а к нему как-никак матрос обращается, да еще и послуживший.

По прибытии ребята смотрели на моряков отряда, в который теперь входили и они, с восторгом. Тем более что в первый же вечер им показали синему о том, как происходил бой миноносников с японцами. А здесь все с миноносцев – что с того, что их не было в том бою, случались ведь и другие стычки. Эвон рассказывали, как командир их отряда на «Страшном» в одиночку на четверых японцев попер, – досталось ему славно, но и япошки умылись. Это не безответные рыбацкие шхуны топить. Поэтому просьбы старших товарищей ребята старались выполнить как можно быстрее и с нескрываемым удовольствием, воспринимая их чуть не как награду. Как же, старший товарищ к нему с просьбой обратился. Да он… Да мигом… Вот глазом не успеете…

Совсем скоро ребята стали замечать, что поручения становились все пустяшнее и пустяшнее, словно их держали не за младших товарищей, а за мальчишек из подворотни, которых можно вот так вот походя отослать за табачком, так как самому пройти пару десятков шагов вроде как и лень, и зазорно. А ведь прошло только два дня. Поэтому парни сговорились: если не по делу, то игнорировать такие просьбы.

Чай, не баре.

– Дядь Антон, дак вон он, дядька Семен, сами-то чего не сходите? – наконец пожав плечами, ответил парнишка. Договориться договорились, но моряк-то и возрастом постарше, так что уважение он решил соблюсти.

– Я че, салага, спросил тебя, где Семен, или велел принести табаку? – построжавшим голосом и недовольно нахмурив брови, бросил матрос по имени Антон.

Малкин, акустик с «Росича», растерялся от того тона, которым заговорил старший. Оно понятно, сирота приютская, но почтение к старшим им внушалось строго-настрого, и не только в прежнем приюте, но и в Магадане. Чего это он так разозлился, вроде и не грубил ему, просьба пустяшная, а он эвон как взъярился?

– Осади, дядь Антон, – раздался голос со стороны, и, обернувшись на него, матрос увидел такого же юнгу, разве в плечах покрепче, но тоже малец. – Чего он, Васька?

– Дак табачку попросил принесть, – почувствовал небывалое облегчение Малкин при появлении друга.

– Попросил или велел? – нахмурился Вахрушев. Ох уж эти миноносники, ну чистые старшаки в приюте.

– Считай, что и велел.

– Сам сходит.

Матрос ошалело наблюдал за этим диалогом – он никак не ожидал такой наглости. Вот как появились эти юнги, так их все и гоняли и в хвост и в гриву, никому они и слова поперек

не сказали, а тут поди ж ты, раздухарились. Ну, братушки, не обессудьте. Антон поднялся и, напыжившись, сделал первый шаг к парнишке, что поздоровее.

– Дядь Антон, осади, не то оба под арест пойдем, а ты еще и битым. Оно тебе надо? – все же постарался решить дело миром Сашка, вот только слова он для этого нашел не те. Ну никак это не могло остановить Антона, а вот подзадорить лишок – это пожалте, это сколько угодно.

Что произошло дальше, Антон так и не понял. Парнишка был не маленьким, да только и он жизнью битый. Вот не ожидал он, что его как кутенка ткнут носом в песок, едва он ухватит парнишку за отворот. Все же ребяток учили в приюте не только морской науке – постоять за себя тоже нужно уметь, а прошедший сквозь приютские реалии Вахрушев очень серьезно относился к этим занятиям: больно ему не понравилось ходить битым. Рассвирепевший матрос тут же оказался на ногах и ринулся на парня – теперь уже он не собирался просто преподать назидательный урок, теперь он хотел растоптать наглого мальчишку. Вот только что-то не заладилось сегодня. Сокрушительный удар прошел отчего-то мимо, не встретив лица противника там, где ему положено было быть, а его бок взорвался болью, высекающей слезы.

– Дядь Антон, осади, – уже угрожающе произнес Сашка, находясь в боевой стойке перед переломившимся пополам, роняющим тягучую слюну и стонущим матросом. Получить в печень – то еще удовольствие, а рука у Сашки тяжелая.

– Отставить!

Услышав этот голос, Сашка вздрогнул и тут же вытянулся по стойке «смирно». Ох, что сейчас будет. Это ж надо, дядька Федор. Ну все, теперь достанется так, что приходи кума любоваться.

– Вахрушев, что тут произошло?

– Господин унтер-офицер, дядька Антон…

– Матрос Зубаткин, – с некой ленцой перебил юнгу унтер.

– Так точно, матрос Зубаткин велел юнге Малкину принести ему табаку, а сам при этом ничем занят не был. Я и сказал ему, что он и сам может сходить.

– А потом, стало быть, сразу в морду, чтобы дошло лучше?

– Никак нет. Это он…

– Я видел другое.

– Так это потом, а поначалу он первый… – Голос парнишки все же дрогнул.

Вот стоит он навытяжку и правым себя считает, и не виноват он, что матрос на него полез в драку, и поди докажи. В голосе его уже были слышны практически рыдания, твердый ком наконец сковал горло так, что и ни слова из себя не выдавить, и дышать трудно. Обидно ведь.

– Иди на корабль, Вахрушев.

Сашка в ответ не смог произнести ни слова, только руку бросил к бескозырке и, резко развернувшись, размашистым шагом направился на «Росич». Это тут дядька Федор ни слова не сказал – не любил он при посторонних выговоры ребя-

там устраивать, ну если не допекут, да и то сдерживался. Вот вернется на корабль – тогда и аукнется юнге Вахрушеву. А за что? Разве он виноват? Обидно.

Федор осмотрелся. Ну да, не прошло происшествие незаметным, эвон матросы и унтеры подтянулись. Смотрят. Зубаткин уже справился с приступом боли, и на лице его аршинными буквами читается охватившее его возмущение – того и гляди, затянет: «Полундра, наших бьют!» Придется разъяснить. На «Росиче» он в обиду никого не даст, но ведь и на остальных кораблях мальцы, и ведь постоять за себя вполне могут, эдак и до мордобоя недолго, он себя для всех них за отца держал, а их – за деток. Не сподобил Господь детишками обзавестись: все время служба, море. Как отслужил до края, так на берегу и не смог найти себя, чуть до горькой во Владивостоке со скуки не скатился. Но нашлись люди добрые, предложили достойное занятие. Оно и край – куда там Владивостоку, – а скучать не приходилось. Бывало, и он прикладывался к мальцам, не без того, но то в науку, по-отцовски. А эти эвон что учудили.

– Мальчишки в уважении к старшим воспитаны. Вам как ероям во рты заглядывают, каждое ваше слово ловят. Они ить рвались сюда, за Расею-матушку постоять, вам помочь. А вы? Кажный из них поболе вашего знает и корабли енти по винтику разобрать сможет, потому как, вместо того чтобы бока отлеживать, учились и учились, боялись, что их на войну не возьмут. А кто из вас слышал, чтобы они знания-

ми своими похвалялись, – а ить вы против них неучи, это я вам точно говорю. Не слышали? И не услышите, потому как вы для них старшие товарищи. Я школы старой, под парусами взращенный, а потому скажу один раз. Если кто решит мальцов обидеть, лучше сам пусть утопится.

– Федор Панкратыч, ты нам, чай, угрожаешь? – глядя из-под нахмуренных бровей, проговорил дюжий унтер, коему по всему выходило уже пора и отслужить. Ага, это родная душа, тоже жизнь флоту положил.

– Ты, Артем Иваныч, за своих горой встанешь? Вижу, что встанешь, иначе и быть не может. Вот и я за своих деток никого не пожалею.

Обведя всех пристальным взглядом, Федор уже было обернулся, чтобы отправиться своим путем, но вдруг замер… Хрясь!!! Зубаткина снесло, словно бревном приложило, только ботинки мелькнули в воздухе. Ух. Полегчало. Ну а теперь можно и по делам. Моряки молча расступились, не стал заступать дороги и Иваныч. А что? Прав старик. Вот еще и от него на орехи… Хотя… Не, это, пожалуй, уже лишка будет. Эвон лежит не шелохнется. Как бы в госпиталь аспида не пришлось.

– Вахрушев, – унтер устало присел на тумбу.

– Я, господин унтер-офицер. – Парнишка вытянулся перед Федором в готовности выслушать приговор.

– Ить сколько раз говорено – к старшим нужно иметь уважение и почтение, а ты… Понятно, что он первым в бутылку

полез, но ить ты сколь книг умных прочел, мог и поступиться малость – мозгов-то в твоей голове поболе будет, чем у него.

– Но он первый… – Опять этот комок, и вновь обида в голосе. Да что же это, ведь не малец уже. Да в приюте, когда старшаки изгалялись, и то не плакал, а тут…

– Знать, не те слова ты нашел, что он первым, значит… Думай наперед, а потом говори. Понял ли?

– П-понял, – едва выдавил из себя парнишка трясущимися губами.

– Ну а чтоб запомнил, возьми машку и погуляй по палубе да подумай над тем, что было.

– Есть! – Вот только чуть не рыдал, а вот уже и задор в глазах. Знать, не так уж он и не прав, хотя не прав, ну да вдругорядь умнее будет. А машка… Да завсегда… Да эт мы мигом… Эх, мальчишки.

Уже через пару минут все могли наблюдать, как парнишка, виновный в недавнем происшествии, усиленно орудет машкой, наводя чистоту на палубе. А и то верно – ветерок хоть и не сильный, а пылюку носит, отчего стоящие у стенки кораблики грязнятся. Непорядок. Чай, флот, а не какой дальний гарнизон. Опять же вот вроде унтер показал всем, что парень его прав, и что за своих ребят будет стоять до конца, ан не все так просто – видать, что-то ему все же не понравилось, стало быть, не до конца парень прав, а потому и разъясняет ему Панкратыч через руки, коли уж через голову не доходит.

За время вынужденного стояния на внутреннем рейде все корабли приведены в порядок. Сейчас уже заканчивали ремонт на последних четырех миноносцах. Эти кораблики вообще наловчились латать просто с поразительной быстротой – уж больно практика богатая. Тем кораблям, что не имели повреждений, проведена профилактика, перебраны механизмы. Машинисты и кочегары наводили порядок у себя – где не хватало мастерства, привлекали рабочих и местных и тех, что Макаров с собой привез, опять же концерновские в сторонке не отстаивались. Расчеты орудий целыми днями по́том исходили, чтобы как придет время, встать во всеоружии. Как говорится, нет худа без добра.

Но вот проход свободен, Того об этом уже осведомлен: вон как крейсеры отметились в ночном бою, надавав миноносцам по самое не горюй. Значит, дальше отсиживаться нет смысла, а вот проверить работу механизмов на разных оборотах, отработать слаженность действий эскадры – это откладывать в долгий ящик не след. Несмотря на долгое стояние, командиры кораблей и экипажи сноровки не растеряли, эскадра сумела покинуть внутренний рейд всего за два часа, что до прибытия Макарова считалось невозможным, а вот возможно.

Сосредоточившись всеми силами на внешнем рейде, русские корабли взяли курс на юг. Впереди разведка из «Новика» и «Боярина». Эти два крейсера оказались настоящи-

ми тружениками войны. На их счету было четыре перехваченных и отправленных на дно парохода с контрабандой или идущих под японским флагом и три миноносца. Они всегда первыми вступали в соприкосновение с противником, первыми рвались на пересечку японским миноносцам, будучи самыми быстроходными и легкокрылыми на эскадре, и вообще в море провели гораздо больше времени, чем любой другой корабль, разве только миноносцам уступали, но не так чтобы и много. Вот кому пошло на пользу стояние в порту: больно уж доставалось их механизмам.

По флангам идут по два крейсера и четыре миноносца. Справа «Баян» и «Аскольд», слева «Паллада» и «Диана». Броненосный отряд вытянулся в кильватер, но это только до поры: вот отдалятся и начнут маневрировать. Макаров квартирует на «Аскольде», но флаг свой держит на «Петропавловске» – что поделаешь, согласно всем существующим наставлениям, командующий должен быть на самом защищенном корабле. Правда, таковым был вообще-то «Цесаревич», но нынешний флагман больше подходил на эту роль, так как приспособлен под нужды адмирала и его штаба, но в любом случае броня весьма серьезная. Впрочем, сам Степан Осипович придерживался иного мнения, предпочитая крейсеры и полагая именно их главной силой в современной войне. Но случись бой – с крейсера не больно-то и покомандуешь броненосным отрядом, опять же со стороны тяжело оценить обстановку, для этого нужно быть в гуще событий.

Ан нет, не так уж и отдалились. Вот броненосцы начинают маневрировать, приступив к перестроению в две кильватерные колонны. Вот «Пересвет» отходит от основного отряда и спешит присоединиться к крейсерам на правом фланге, имитируя усиление отряда, туда же спешат и другие два крейсера. Миноносцы оттягиваются немного в сторону, чтобы не путаться под ногами в предстоящей схватке крейсеров, но не больно-то и далеко отбегают, готовые поддержать старших братьев, случись в этом нужда.

Маневры сменяют один другой в нескончаемой череде. Корабли поначалу перестраиваются неуклюже, но несколько повторений все же приносят плоды, и их действия становятся более слаженными и выверенными. Это продолжается около двух часов – за это время эскадра успевает отдалиться от крепости примерно на двенадцать миль. Видимость хорошая, противник о своем появлении возвестит дымами задолго до того, как появится на горизонте, а потому особых опасений нет.

Вдруг выдвинувшиеся в восточном направлении «Новик» и «Боярин» – именно оттуда стоило ожидать появления Того – дружно рванули по направлению к острову Кэп. Антон расположился на гребне Тигрового полуострова, где Звонаревым был оборудован практически стационарный пост наблюдения, – дальномера не было, но зато был телефонный аппарат, навес, дающий тенек и спасающий от палящих лучей солнца, ну и при себе имелась весьма приличная оптика.

А что? Это другим нужно потеть и приводить свои кораблики в норму, у него все уже давно отработано и налажено, а экипаж хорошо сплаван. Так что в свободное время можно и понаблюдать за маневрами. Далековато, но ничего.

Что бы это значило? Куда рванули эти два штатных разведчика эскадры? Как ни всматривался в том направлении Антон, ничего предосудительного не обнаружил. Возможно, мешал остров, который маячил практически на пределе видимости, тут и оптика слабо помогала. Обозначился Того? Тогда отчего через некоторое время в том же направлении двинулась и остальная эскадра, а «Баян» и «Аскольд» в сопровождении четырех миноносцев, увеличив ход, вообще ушли в отрыв, следуя за уже скрывшимися за береговой линией легкими крейсерами? Что вообще происходит? Может, опять какой-то маневр отрабатывают?

– Степан Осипович, с «Новика» передают, что со стороны острова Кэп наблюдают множественные дымы. Уж не Того ли припожаловал, – подошел с докладом пребывающий в легком возбуждении Молас.

Нет, это не страх и не испуг, но кто останется спокойным, коли вот совсем скоро может случиться сражение? С другой стороны, опасность не столь уж и велика, Порт-Артур – вот он, в пределах видимости, и всегда можно отойти под защиту береговых батарей, как это уже не раз было, а в последнее время вообще удалось достигнуть такого взаимодействия ар-

тиллеристов и эскадры, о котором в начале войны и мечтать не приходилось. Того нужно иметь совсем уж немыслимое превосходство в ходе, чтобы суметь отрезать эскадре пути отхода.

– Михаил Павлович, прикажите «Новику» и «Боярину» выдвинуться в направлении дымов и выяснить их характер.

– Слушаюсь.

Вскоре от убывших «Новика» и «Боярина» по радио поступил доклад о том, что в море обнаружены японские корабли, которые начали спешно отворачивать при виде русских крейсеров. Еще через некоторое время поступило уточнение, что, судя по всему, это отряд адмирала Катаоки, в состав которого входили самые старые корабли и броненосец «Чин-Иен», который отчего-то относился к эскадренным, хотя на деле мог являться только броненосцем береговой обороны. Одним словом, отживший в принципе свое старик. Едва получив эту информацию, Макаров тут же сделал стойку. Вроде неплохая вырисовывается ситуация пощипать Того.

Старички неспособны дать достаточно большой ход, а если их еще и замедлить, то они могут оказаться законной добычей. Первый выход, и такая удача. Возможно, Того так и не понял, что проход открыт, потому и отправил этот отряд на блокирующую линию. А может, что-то другое? Вряд ли. Даже если японцы и появятся, эскадра все одно успеет уйти. Будь условия видимости плохими, то на внезапность рассчи-

тывать еще можно было, но погода солнечная. Нет, ловушки опасаться вроде не стоит.

– Немедленно передать Реценштейну: «Аскольду», «Баяну», «Новику» и «Боярину» выдвинуться на перехват японцев, забрав отряд миноносцев Елисеева. Сковать действия противника до подхода основной эскадры.

– Слушаюсь. – Молас теперь не в легком возбуждении, а подобно Макарову уже сделал стойку: ему также не терпелось вступить в бой.

Эскадра движется с вполне себе приличной скоростью, даже уступающие в ходе новейшим броненосцам «Петропавловск», «Полтава» и «Севастополь» весьма уверенно держат ход в пятнадцать узлов. Все же нет худа без добра – благодаря долгому стоянию теперь полный эскадренный ход вырос на пару узлов, а если поднапрячься, то и еще пол-узла можно накинуть. Вот если бы… Нет. Не тот сейчас расклад, чтобы трех старичков оставить у стенки. Ход у них, конечно, слабый, но зато с артиллерией и броней все в порядке. Если бы Того ограничился только своими броненосцами, то после той засады можно было бы поступить и так, а тогда у Макарова был бы запас в ходе в один или полтора узла. Но все дело в том, что у японского адмирала были еще и броненосные крейсеры, которые он мог вполне поставить в линию, а с ними имел преимущество и в вымпелах, и в артиллерии, даже с учетом всех русских эскадренных броненосцев.

Наконец ясно обозначились дымы японского отряда. Рус-

ские крейсеры уже соединились, и до слуха донеслась начавшаяся канонада. Реценштейн продолжает идти полным ходом, с тем чтобы обойти голову противника и начать отсекать пути отхода. Нет, остановить их не получится, но вот задержать, заставить маневрировать и терять драгоценное время – это вполне возможно. Реценштейн, после того как его отозвали в Артур, вполне прилично зарекомендовал себя – как видно, от водобоязни излечился полностью. А может, все дело в том, что тут он не должен был принимать самостоятельных решений – лишь четко выполнять поставленную задачу.

Если оставить старичков и, увеличив ход, поспешить к месту схватки? Да, пожалуй, именно так и стоит поступить: все же узла три прибавится. Да и самому стоит перебраться – а хоть на «Цесаревич», – раз уж все так радеют о том, чтобы командующий был за крепкой броней.

– Михаил Павлович, – окликнул Макаров начальника штаба.

Антон продолжал наблюдать за происходящим, напрочь прикипев к биноклю, словно там ситуация развивалась как в драйвовом боевике. На самом деле все текло неспешно, и с такого расстояния вообще казалось, что ничего не происходит и корабли замерли на одном месте, однако приближение оптики позволяло заметить, что корабли несут буруны, а стало быть, на месте стоять никак не могут. Эскадра дви-

галась, практически незаметно смещаясь на восток.

Наконец ему удалось рассмотреть и дымы японских кораблей: выполняя разворот, они вышли с траверза острова, и хотя самих кораблей не было видно, дымы можно было видеть довольно отчетливо. Четыре быстроходных русских крейсера забирали значительно мористее, это говорило о том, что они намерены обойти корабли противника, чтобы задержать их до подхода основных сил Макарова.

Что это? Беспечность Того, который не придал значения ночному происшествию, в котором так активно засветились «Новик» и «Боярин»? Или японцы так и не поняли, что в бою принимали участие крейсеры, и приняли их за канонерки? Сомнительно, очень сомнительно.

Но почему тогда японцы направили сюда отряд из старых кораблей? Этого, конечно, вполне достаточно для службы на блокирующей линии, если проход все еще заперт – в конце концов прибывший транспорт можно перенаправить и в Дальний, – но глупо, если им известно о свободном проходе. В том, что был обнаружен отряд из тихоходных старых кораблей, Антон не сомневался, иначе не имело смысла отправляться в погоню на броненосцах, да еще тянуть с собой и те, что имели скорость на два-три узла меньше. Хотя нет, вон «Севастополь» вываливается из строя – не иначе как Макаров отправил старичков в крепость. Почему тогда «Петропавловск» и «Полтава» идут прежним курсом?

А может, Макарова просто заманивают в ловушку? Ин-

тересно, а как Того собирается подобраться к русским при такой ясной погоде? Его однозначно обнаружат заблаговременно, и русские всегда успеют уйти под защиту береговых батарей.

Продолжая наблюдать за русской эскадрой, Антон заметил, что «Пересвет» опасно приближается к «Севастополю»: уж не таранил ли он его?

Вот и удобный момент для японской атаки. Едва подумав об этом, Антон начал обозревать горизонт. Вот оно! Не поминай лихо, пока оно тихо. С юга показались дымы. Он, скорее всего, заметил бы их и раньше, если бы столь пристально не наблюдал за эволюциями эскадры, но и сейчас далеко не поздно.

– Соедините меня с «Два ноля один, два один один», пожалуйста, – бросил он в трубку, как только обнаружил приближающиеся дымы.

– «Два один один» занят. Подождете на линии?

– Да, я жду.

Телефонной связью сейчас были обеспечены все службы, имелась она и в минной гавани, и в акватории порта, где базировались «Росичи». Правда, обосновано это было не ими, а тем, что завод выполнял множество военных заказов: миноносцы вообще старались не светить. Связь – это все или почти все. Поэтому помимо внутриконцерновской связи имелась и вот такая, с выходом на гарнизонный коммутатор, откуда можно было связаться с остальными службами.

– Вы еще на линии?

– Да.

– Соединяю.

– «Два один один», прапорщик Кладов, слушаю, – через непродолжительное время щелчков и шорохов послышалось в трубке. До гудков тут еще не додумались, ну да всему свое время.

– Прапорщик Песчанин, нахожусь на вершине Тигрового полуострова, наблюдаю множественные дымы, приближающиеся с юга. Необходимо срочно сообщить об этом адмиралу Макарову.

– Господин прапорщик, я не обязан ничего сообщать по первому требованию, есть определенный порядок и лица, уполномоченные давать подобные распоряжения.

– Да пока я буду обзванивать инстанции, время будет упущено, эскадра продолжает отдаляться на восток и может быть отрезана.

– Не надо так нервничать. Информация о возможном приближении противника уже принята и в настоящий момент передается телеграфистом его превосходительству. И в отличие от вашей самодеятельности она поступила, как и положено, по инстанции. Вы в какой должности?

– Какое это имеет значение?

– А такое. Занимайтесь, пожалуйста, своими прямыми обязанностями. – Вновь треск и шорохи – поди пойми, положили трубку или ждут, что он ответит.

Антон с маху бросил трубку на рычаг и едва сдержался, чтобы не заматериться. Но, немного подумав, махнул на все рукой. В конце концов, этот Кладов прав – каждый должен заниматься своим делом. Вот он вольный стрелок, хочет – наблюдает за морем, хочет – нет, хочет – целый час пялится на русскую эскадру, а хочет – высматривает супостата. Тем не менее есть наблюдательные посты, которые несут службу, направленную именно на своевременное обнаружение противника, и они заметили его вовремя и доложили, как и положено, по команде. С другой стороны, и себя дураком он не считал – ну перебдел, ничего страшного, хуже, если все и всегда будут надеяться на то, что есть кому заниматься теми или иными вопросами. Всегда есть место случайности, а на войне и подавно. Элементарно могло повредить линию – и с наблюдательного поста не смогли бы передать информацию, на другом матрос замечтался о своей суженой или о какой Фроське, что ночью непременно ждет его к себе в гости, а на третьем у наблюдателя попросту раскалывается голова с похмелья… Кстати, что там происходит?

Вновь бинокль у глаз – и эскадра рывком приблизилась к нему. Ага, все корабли разворачиваются, но вот «Севастополь» что-то уж больно вяло себя ведет. Нет, понятно, что расстояние велико и отсюда вообще все корабли кажутся до крайности медлительными, даже крейсеры и миноносцы, но этот броненосец все одно выпадает из общей картины на фоне перемещающихся собратьев. Что случилось? Ох, не к доб-

ру он все время сегодня задается этим вопросом – эвон накаркал, похоже, Того припожаловал. Но все же что-то случилось. Вновь взгляд на юг. Вот и корабли начали обозначаться, и идут не к Артуру, а скорее к острову Кэп, но точно этого не определить. А чего, собственно, определять? Ясно, что они имеют связь со своим отрядом, и им известно, где находится противник, а также его состав, так что к крепости им идти без надобности – движутся прямиком на перехват. Ох, что-то будет?

Вот они!!! Наконец-то!!! БАНЗАЙ!!! Долго же он ждал этой встречи, а уж о такой, при явном преимуществе, и мечтать не мог. Что же, Степан Осипович, вот и пришла пора нам сойтись, как и подобает двум самураям, лицом к лицу. Устал уже за вами бегать. Ну да ничего, немного уже осталось.

Хейхатиро Того вскинул бинокль к глазам и обозрел противника. Идут в кильватере, стараясь сбить как можно более плотный строй. Хотя идут – это слишком громко сказано: ход едва ли восемь-девять узлов, скорее ползут. Головным – «Петропавловск», «Севастополь» в середине строя. Понятно, корабль, имеющий неисправность, поставили в центр, так чтобы при случае он не потерялся. Опять же поди определи, кто именно является причиной столь медленного хода, – все же не в хвосте идет.

А вот мы вас удивим, Степан Осипович. Что с того, что

это сразу укажет на информированность японского командования? Если бы речь шла о подданных Страны восходящего солнца, то, возможно, имело бы смысл немного потянуть и представить ситуацию как выявленную в процессе боя. Но здесь приходилось говорить о русском же подданном, к тому же использованном только один раз, на повторные его услуги можно не рассчитывать, о чем говорил майор Ямомото, а значит, и думать о нем нечего. Тем более что он уже на пути в Японию.

Японцы тоже идут в кильватерную колонну и изготовились к бою. Но что это, русские отворачивают к берегу, выполняя маневр все вдруг? Но там нет береговых батарей, зачем так рано отворачивать? И потом, двигайся они прежним курсом – быстрее бы достигли прикрытия со стороны крепостной артиллерии. Опять же там мели, это же не крейсеры, и уж тем более не миноносцы. Если хоть один корабль сядет на мель, он обречен. Может, эскадрой командует не Макаров? Кто же объяснит, что происходит?

С востока подходит адмирал Катаока, теперь он в сравнении с русскими прямо-таки скороход, а потому, скорее всего, выйдет на дистанцию открытия огня немногим позже основной эскадры. Что же, сейчас концентрация артиллерии важна, как никогда, даже если русским и удастся вырваться, то необходимо повредить как можно большее количество их кораблей, повредить настолько серьезно, чтобы в ближайшие пару месяцев даже крейсеры не могли высунуть свое-

го носа из гавани. Но что же задумал Макаров, или кто там вместо него? Зачем он отвернул к берегу?

Теперь уже понятно, что эскадра не просто шла к Артуру: она неизменно смещалась в сторону побережья, а как только противник достаточно приблизился, резко отвернула к нему, практически оказавшись к основному отряду преследователей кормой. Нет, угол хотя и крутой, но позволит задействовать весь главный калибр. Но зачем? Да вот же зачем!

– Симамура, отдайте приказ увеличить ход до самого полного, выжмите из машин все, на что они способны. – Когда адмирал отдавал приказ, на его лице явственно читалась досада.

Если все пойдет так, как предполагает Макаров, то, возможно, ему удастся-таки прорваться. Остаются еще мели? Но с недавнего времени русские показали, что прекрасно ориентируются в прибрежной полосе. Нельзя рассчитывать на удачу. Сейчас главное – скорость, скорость и только скорость. Но Того уже понимал, что ему никак не успеть.

– Степан Осипович, я все же считаю это слишком рискованным. Вы настолько доверяете этим картам? – Молас с сомнением смотрел на адмирала. Понятно, что приказ он выполнил, и сейчас эскадра по распоряжению командующего движется к берегу, но сомнения остались.

– Наши миноносники пользовали эти карты не раз и не два. Как показывает практика, они вполне точны. Что каса-

ется нашего отворота… А вы видите иной выход?

– Ну, выходов у нас не так много. По мне, так необходимо двигаться кратчайшим путем под защиту наших батарей. Разумеется, нам достанется, но и мы не останемся в долгу, так что и Того умоется. Тем более что, если мы двинемся вдоль мелководья, то боя на параллельных курсах нам все одно не избежать, и длиться он будет дольше.

– Вы действительно считаете, что Того будет вести бой на параллельных курсах? Михаил Павлович, не разочаровывайте меня.

– Он, разумеется, постарается нас отсечь, но если упорно двигаться вперед…

– …То японцы перетопят нас по очереди. Вы ведь знакомы с моей работой. Он просто применит кроссинг над «Т», сосредоточит огонь всей артиллерии на одном корабле и будет бить в него, пока не добьется либо его выхода из боя, чтобы заняться позже или оставить на растерзание старичкам, либо потопления. Я бы пошел на такое даже при преимуществе хода в один-два узла, а у него таковое почти вдвое против нашего. Дай только бог нам успеть приблизиться достаточно к берегу, чтобы Того из опасения мелей не решился на подобный маневр.

Все произошло как-то неожиданно. Не успели сигнальщики поднять флаги с приказом «Севастополю» и «Полтаве» возвращаться в Артур, как первый вдруг вывалился из строя, при этом начав заметно терять ход. Опытный командир Эс-

сен сразу сообразил, что его может таранить идущий следом «Пересвет», а потому, как только машина стала, приказал отвернуть в сторону, вывалиться из строя и поднять сигнал «Потерял ход». Командир «Пересвета» поначалу не понял, что происходит, а потому начал было повторять маневр, но, сориентировавшись, попытался отвернуть и, видя, что броненосец продолжает приближаться, так как отвернуть явно не получается, приказал машинам дать задний ход. Скорость удалось погасить максимально, но таран все же с гулким грохотом врезался в корму «Севастополя», круша сталь корпуса и впуская в отсеки забортную воду.

Как следовало из доклада Эссена, вышла из строя одна машина, то есть совсем вышла, необходим был длительный ремонт, причина устанавливается. «Пересвет» также получил незначительные повреждения – во всяком случае, в носовом отсеке обозначилась течь. Ремонт, конечно, необходим, но ничего критичного, вполне боеспособная единица. Винить командира таранившего корабля было не в чем – тот в принципе действовал весьма умело и хладнокровно, но погасить скорость и отвернуть в сторону махину в четырнадцать тысяч тонн – это не на миноносце пируэты выписывать.

Макаров хотел было повторить приказ о возвращении двух броненосцев, с остальным разбираться предстояло позже, но тут поступила радиограмма из Артура о появлении на горизонте множественных дымов. Складывалось полное ощущение, что Того подготовил ловушку, вот только русские

корабли не успели достаточно отдалиться. Впрочем, они и не успели бы: Того не имел возможности подкрасться и отрезать русскую эскадру от крепости, если только… Если только ему не было известно о возможных неисправностях. Но тогда они могли быть и на других кораблях. А может, случайность? Очень может быть, но как-то уж слишком все одно к одному.

Едва Макаров осознал обстановку, тут же были отозваны крейсеры, а эскадра легла на курс к Артуру, только шла она курсом постоянного смещения к берегу, чему были все удивлены, но все же безропотно выполнили приказ. В построении изменений не было, разве только «Севастополь» и «Полтава» поменялись местами.

Японцы открыли огонь с дистанции в семьдесят кабельтовых, русские ответили. Но эффективной эту дуэль пока назвать было нельзя. Выдерживая максимальный темп стрельбы, японцы ни на минуту не снижали хода, стремясь успеть отрезать русских от берега. Но вскоре стало очевидным, что, несмотря на почти двукратное преимущество в скорости, Того все же не успевает, дальнейшее сокращение дистанции могло привести только к тому, что русские получат преимущество для своих бронебойных снарядов, а потому Того был вынужден отвернуть, выходя на параллельный курс, и снизить скорость. Русские вновь сделали поворот и теперь шли вдоль берега в кильватерной колонне, так что оставалось только вести бой на параллельных курсах. Все. Макси-

мум, что теперь японцу было доступно в этой ситуации, – это просто сосредоточить огонь сразу нескольких кораблей на двух русских. Так, например, броненосцы тут же выбрали флагман, а крейсеры Камимуры – «Севастополь», который, кстати сказать, уже немного просел на корму: все же столкновение для него не прошло незаметным.

Практически одновременно с основными силами на дистанцию открытия огня вышел и отряд адмирала Катаоки, между ним и крейсерами завязалась жаркая перестрелка. Однако осознавая, что силы слишком неравны и выход только в том, чтобы навязывать противнику свою тактику боя, Реценштейн отправил миноносцы к броненосцам, где они, приняв значительно ближе к берегу, сопровождали гигантов, а сам, увеличив ход, начал кружить над Катаокой и Дэвой, используя свое преимущество в ходе, сведя таким образом превосходство японцев в артиллерии и водоизмещении практически на нет.

– Степан Осипович, пора перебираться в боевую рубку, – когда первый снаряд упал неподалеку от броненосца, обратился к Макарову Молас. Он, как и весь штаб, находился на мостике вместе с командующим.

– Там я не смогу в достаточной мере наблюдать за сражением – в бойницы не больно-то и посмотришь, а мне нужно видеть общую картину. И потом – мой штаб, командование броненосцем… Будет слишком тесно.

– Ваше превосходительство, это по меньшей мере нера-

зумно, – не сдавался Молас, поддержанный загомонившими офицерами. – Никто не сомневается в вашей храбрости и стойкости, но вы нужны флоту живым и здоровым. Если рубка не способна вместить весь штаб, что же, так тому и быть, штаб останется на палубе, но уж вам-то место там найдется. – Вот теперь ни намека на увещевание – в словах начальника штаба слышались уже требовательные нотки.

Макаров, надувшись как сыч, оглядел всех окружающих и зацепился за стоящего в сторонке матроса. Сигнальщик смотрел на адмирала таким взглядом, что он пробирал, казалось, до самых потаенных глубин души. Были в нем и боль, и мольба, и недоумение, и укор – целая гамма чувств. А еще в фигуре матроса проскальзывало нечто такое, по чему можно было сделать вывод, что вот сейчас он наплюет на все уставы и субординацию, сграбастает в охапку строптивого адмирала и уволочет под защиту брони.

Неизвестно, что послужило принятому решению – вид ли матроса, готового пойти на преступление, чтобы оградить от опасности любимого адмирала, увещевания ли офицеров или просто возобладал здравый смысл, – но Макаров все же развернулся и с недовольным выражением на лице направился в рубку.

Помещение встретило его сумраком, который разгонялся включенным освещением, и было душно, но, оказавшись под защитой брони, многие облегченно вздохнули. Сразу и не поймешь – то ли оттого, что почувствовали себя в без-

опасности, то ли потому что адмирал перестал дурачиться и больше не подвергает себя ненужной опасности. Для командования броненосцем здесь было довольно просторно, но с появлением адмирала с его штабом стало куда теснее.

Не останавливаясь, Макаров тут же прошел к смотровым щелям. Впрочем, щелями их назвать было трудно – скорее узкие окошки, через которые в рубку мог ворваться целый рой осколков. Но здесь эта проблема была решена: присутствовали рамки с остеклением в несколько слоев, идея, подсмотренная на бронепоездах, имелись и запасные стеклопакеты, которыми легко было заменить поврежденную часть. Стоит заметить, что стекло было заметно толще такого же на бронепоездах, а потому, в отличие от них, вполне могло погасить и энергию винтовочной пули, выпущенной в упор, а еще оно коренным образом отличались от прототипа, так как между слоями был проложен целлулоид, что значительно увеличивало прочность. К слову сказать, на бронепоездах тоже уже ввели это новшество.

Бинокль к глазам – и вот корабли противника вновь приблизились. Обзор куда скромнее, чем на мостике, но в принципе ничего страшного, вполне приемлемо. Палуба мелко вздрогнула, послышалось сдвоенное рявканье носовых двенадцатидюймовых орудий. Макаров следил за «Микасой». Один из снарядов упал рядом с бортом, второй разорвался на палубе.

Все же его нахождение здесь в качестве командующего во

многом пошло на пользу эскадре. Сегодня при проведении маневров корабли, конечно, не показали безупречной слаженности, но если сравнивать с тем, что было вначале, изменения все же разительны. Причем если еще сегодня поначалу было множество огрехов, то в боевой обстановке все происходило весьма неплохо, хотя адмирал ожидал как раз обратного. Опять же выучка личного состава радовала. Может, здесь причина крылась в новых дальномерах, поставленных концерном, а может, все же в самих артиллерийских офицерах и комендорах, а скорее всего – в совокупности всего этого. И стрельба была на диво удачной: вон «Микасу» со второго залпа накрыли, и не просто, а добились попадания.

Ага, вот еще кто-то попал в японского флагмана. Кто это так отличился? Ничего не видно из этой тесной рубки. Ладно, глупостей на сегодня достаточно. Каждый должен заниматься своим делом: командующий – командовать эскадрой, командир – кораблем, наводчик – наводить орудие и стрелять, пожарные расчеты – с риском для жизни тушить пожары, кочегары – изнывая от нестерпимого жара и неизвестности, обслуживать котлы. А вместе они составляют единый огромный механизм.

– Что он делает?

– Разве не видно – тянет к берегу, чтобы Того не отрезал ему путь отступления к крепости, – сквозь зубы бросает Антон в ответ на возглас Науменко.

Как только стало известно о том, что появилась японская эскадра, Петр Афанасьевич тут же поспешил на наблюдательный пункт. Да, есть у них свой, и вполне оборудованный, пусть все обзавидуются. Вот только разворачивающееся действо не сказать что хоть чуть его радовало.

– Чего же они тянутся, как беременные?

– Возможно, у «Севастополя» какие-то неполадки. Еще перед появлением Того он вывалился из строя и заметно снизил скорость, а еще мне показалось, что его таранил «Пересвет». Может, ошибаюсь – далеко все же.

– Ах, как не вовремя. У Того сейчас преимущество в ходе раза в два. Да-да, никак не меньше. Это очень плохо. Теперь он полностью диктует условия схватки.

– Ну, судя по маневру Макарова, не так чтобы и полностью… – Антон заметил, что русская эскадра вблизи берега начала ложиться на параллельный ему курс.

– Да, таким образом Степан Осипович не позволит отрезать себя от крепости, – наконец поняв смысл маневра, согласился Науменко, но тут же сам себя опроверг: – Вот только боюсь, что это ошибка. Того будет вынужден идти параллельным курсом, но, скорее всего, выдвинется вперед, нависая над головой нашего строя и сосредоточив огонь всей артиллерии на головных кораблях. При этом он не станет слишком приближаться, потому что тогда огребет по полной от наших бронебойных снарядов.

Все произошло именно так, как и сказал Науменко. То-

го разделил свои силы на два отряда – первый из броненосцев слегка вырвался вперед и как бы поставил «Петропавловск» в центр, второй, также продвинувшись, поставил в центр «Севастополь». Конечно, корабли Камимуры проигрывали в броне и в калибре, но пять крейсеров, двадцать восьмидюймовых орудий – это вам не баран чихнул. Вот так и вышло, что огонь практически всех орудий сосредоточился на «Петропавловске» и «Севастополе», которые то и дело окутывались черными клубами дыма – как от пожаров, так и от разрывов японских снарядов, начиненных шимозой. Японцы старались сохранять приличную дистанцию – порядка пятидесяти – пятидесяти пяти кабельтовых, что было приемлемо для их фугасных снарядов и не так чтобы хорошо для русских, но, несмотря на это, было заметно, что огребают они куда чаще, чем русские. Все же Макарову удалось поднять боевую подготовку на качественно новый уровень.

В арьергарде вовсю шла рубка между крейсерами и наседающими на них японцами. Хотя кто на кого там наседал, было совершенно непонятно. Складывалось полное ощущение, что, несмотря на наличие у японцев большего количества вымпелов, доминируют в море все же русские. Рейценштейн вел свой отряд, время от времени применяя маневры, чтобы выйти из-под огня, но чаще сам атаковал с разных сторон, всегда нависая над строем японцев. Впрочем, он старался не наглеть и все же по возможности обходить «Чин-

Иен»: его калибр внушал уважение.

А вот русским броненосцам доставалось изрядно. На «Севастополе» уже не действовала кормовая башня главного калибра, из среднего – действовали только два шестидюймовых орудия. Японцы пока оставили его в покое, перенеся огонь на идущую концевым «Победу», для чего отряд крейсеров немного отстал, образовав в строю разрыв с броненосцами, но, как видно, это обстоятельство ничуть не смущало ни Того, ни Камимуру. Тем более что на русском броненосце уже начался пожар.

Наблюдающий за этой картиной избиения Науменко вдруг вскинулся, решительным видом осмотрел офицеров, а сюда успели сбежаться почти все из его отряда, и что-то Антону в нем не понравилось.

– Петр Афанасьевич, разрешите два слова тет-а-тет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.